

наш
XX
век

75
лет
ПОБЕДЫ

ИВАН ХРИСТОФОРОВИЧ

БАГРАМЯН

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ
МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
О ВЕЛИКОЙ ЭПОХЕ

Наш XX век

Иван Баграмян

**Мои воспоминания. Маршал
Советского Союза о великой эпохе**

«Центрполиграф»

1979

УДК 821.161.1-94
ББК 63.3-8

Баграмян И. Х.

Мои воспоминания. Маршал Советского Союза о великой эпохе /
И. Х. Баграмян — «Центрполиграф», 1979 — (Наш XX век)

ISBN 978-5-227-07923-7

В основу воспоминаний Маршала Советского Союза И.Х. Баграмяна легли две ранее изданные его книги «Так начиналась война» и «Так шли мы к победе». Автор знакомит читателя с важнейшими событиями Великой Отечественной войны, анализирует ход военных действий на различных участках, где ему довелось принимать участие в руководстве войсками, возглавлять крупные штабы, командовать армией, а затем фронтом. Книга дополнена материалом о событиях, связанных с победой Октябрьской революции, установлением советской власти в Армении. Книга рассчитана на самый широкий круг читателей. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1-94

ББК 63.3-8

ISBN 978-5-227-07923-7

© Баграмян И. Х., 1979

© Центрполиграф, 1979

Содержание

К читателям	6
Часть I	7
В родном краю	7
Трагедия Западной Армении	12
Под знаменами Русской армии	21
Вторжение	34
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Иван Баграмян

Мои воспоминания. Маршал Советского Союза о великой эпохе

НАШ
XX
ВЕК

© Баграмян И.Х., наследники, 2021

© «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2021

К читателям

Более шести десятилетий минуло с той памятной поры, когда я по зову своего сердца надел форму солдата российской армии. Много, очень много событий произошло в нашей стране за это время длиной в человеческую жизнь, и участником многих из них мне или посчастливилось, или порой суждено было стать.

Учитывая пожелания моих земляков, я решил свои воспоминания о Великой Отечественной войне, работа над которыми завершена недавно и которые в двух книгах – «Так шли мы к победе» и «Так начиналась война» – вышли в Военном издательстве, дополнить кратким рассказом о моем детстве и юности, вступлении в жизнь и всей моей последующей деятельности вплоть до вероломного нападения фашистской Германии на нашу Родину. Так родились две начальные части этого издания.

Должен признаться, что трагедия, постигшая армянский народ в годы Первой мировой войны и непосредственно после нее, оставила неизгладимый след в моей душе. Этот кошмарный период я пережил, постоянно находясь среди простых людей Армении, на себе испытал и поэтому глубоко осознал всю меру грозившей общенациональной катастрофы. Временами тогда казалось, что создалось безвыходное положение для всего армянского народа. К счастью, мощные волны Великой Октябрьской социалистической революции, докатившиеся в 1920 году до Закавказья, и дружеская помощь русских братьев обеспечили народу Армении не только избавление от горькой участи, но и необходимые условия для его возрождения и национального обновления.

Сбылась наконец вековая мечта широких масс армянского народа об избавлении с братской помощью великого северного соседа от ига жестоких турецких поработителей.

Вполне отчетливо представляю себе, что непросто отделить в событиях, о которых я взялся рассказать, главное от второстепенного, нелегко сберечь факты в безупречной точности при рассмотрении их через призму времени, трудно воспроизвести ценные детали, способствующие правильному восприятию этого времени. После долгих раздумий решил не отступать от традиции, хочу хотя бы совсем кратко рассказать о крае, в котором я сделал первый в своей жизни глоток воздуха, о людях, окружавших меня в детстве и юности, о событиях, оказавших влияние на формирование моего мироощущения, подтолкнувших меня еще с молодых лет сменить «орало на меч», – словом, рассказать о начале нелегкого солдатского пути, о том, как люди старшего поколения привили мне любовь к народу, воспитали патриотом, о том, как великие идеи ленинской партии, а также передовые устои советского общественного строя помогли мне обрести гражданскую, воинскую и партийную зрелость.

В небольшом труде, составляющем лишь пятую часть этого издания, я рассказываю читателю о событиях, связанных с победой Великой Октябрьской социалистической революции, установлением Советской власти в Армении, с ее последующим превращением под руководством Коммунистической партии Советского Союза в одну из передовых социалистических республик страны. Большое внимание я стремился уделить при этом укреплению экономического и военного могущества нашей социалистической Родины в предвоенные годы, ее готовности отразить любую агрессию со стороны империалистов, надежно защитить свободу и независимость нашей Отчизны.

Отдавая свою скромную новую работу на суд читателей, я готов с благодарностью принять их замечания и пожелания.

*И.Х. Баграмян
Москва, 1979 г.*

Часть I Становление

В родном краю

Родители мои были жителями села Чардахлу, нагорной части Елизаветпольского уезда. Ныне оно входит в состав Шамхорского района Азербайджана. Отец – Хачатур Карапетович Баграмян – происходил из бедной крестьянской семьи, мать – Мариам Артемовна – была дочерью сельского кузнеца Артема Мартиросяна. Постоянная нужда вынудила отца еще юношей покинуть родное село и стать рабочим на известных в то время Кедабекских медных рудниках, поблизости от Чардахлу. Проработав там около двух лет, он заболел ревматизмом и вернулся в село к своим родителям.

Однако беспросветная нужда вынудила моего отца вновь покинуть родной кров в надежде найти хоть какую-нибудь работу и помочь семье. На этот раз он спустился с гор в долину реки Кура и устроился ремонтным рабочим на Закавказскую железную дорогу, строительство которой на участке Евлах – Акстафа к тому времени уже близилось к завершению. На этой дороге он проработал 50 лет своей жизни, здесь в 30-летнем возрасте начал учиться грамоте в рабочем кружке, которым руководил прогрессивный по своим взглядам русский инженер-путеец Стрелков. До последних дней своей жизни отец глубоко чтил этого человека. Овладев грамотой и имея уже немалый опыт ремонтного рабочего-путейца, он был назначен артельным старостой.

Несмотря на свою малограмотность, отец был житейски мудрым человеком. На первом плане у него, трудолюбивого и скромного, были воспитание детей и постоянная забота о благополучии большой семьи: жена, шесть сыновей и дочь.

Матери моей не довелось выучиться грамоте, но она была хорошей хозяйкой, отличалась большой сердечностью, очень любила детей, всегда была готова постоять за нас. Очень остро мать переживала разлуку с сыновьями, если кто-нибудь из них был вдали от семьи, на чужбине.

Мои старшие братья Каграман и Аршак со своими семьями жили в селе, занимались сельским хозяйством. Остальные братья – Тигран, Абгар, я и Алексей, а также наша единственная сестра Арусяк жили вместе с родителями. Но семья продолжала оставаться единой: все средства, заработанные ее членами, распределялись поровну, между нами никогда не возникало разногласий, мы были очень дружны. Наибольшей теплотой, заботой и любовью были окружены сестра Арусяк и самый младший брат Алексей.

После полувековой трудовой деятельности на железной дороге отец в 1929 году с должности бригадира службы пути ушел на пенсию и вскоре умер. Мать моя скончалась в 1942 году, известие о ее смерти застало меня на Юго-Западном фронте.

У меня сохранились самые лучшие воспоминания о родителях, авторитет которых в семье был очень высок. С годами мои сыновья чувства к матери и отцу и уважение к их памяти возрастали все больше. Многим в моей жизни я был обязан им, воспитавшим меня и давшим мне необходимое образование.

Теперь кратко расскажу о своем детстве.

Родился я 2 декабря 1897 года в одной из казарм путевых рабочих на станции Елизаветполь (ныне Кировабад) Закавказской железной дороги. Почти все мое детство до 15-летнего возраста прошло среди рабочих этой станции. Здесь же с 1907 по 1912 год я учился в двухклассном Елизаветпольском железнодорожном училище с моими сверстниками, главным образом с детьми рабочих.

Хотя учебное заведение и называлось двухклассным, общая продолжительность обучения в нем составляла пять лет. Окончил я училище с «круглыми» пятерками. Преподавание шло на русском языке. Моей первой учительницей стала замечательная женщина Елена Константиновна Иванова, которую я всегда глубоко уважал и почитал. Очень строгая и взыскательная к нам, ученикам, она была великолепным педагогом. Поступая в училище, я почти не знал русского языка, и потому первый год учебы был для меня очень трудным, но благодаря настойчивости и педагогическому искусству Елены Константиновны мне удалось быстро освоить язык и уже на второй год стать отличником. Испытывая глубокую благодарность к Елене Константиновне, я после окончания училища поддерживал с ней связь. Елена Константиновна преподавала в том же училище, преобразованном с установлением советской власти в Азербайджане в среднюю школу.

После Великой Отечественной войны я неоднократно бывал в Кировабаде, встречался в стенах родной школы с любимой учительницей, которая даже в преклонном возрасте не мыслила уйти на пенсию и оставить работу, ставшую делом всей ее жизни.

Наши полные теплоты и сердечности отношения прервались лишь с ее кончиной, весть о которой я получил в начале 60-х годов во время служебной командировки.

Поскольку зашла речь об училище, мне хочется сказать доброе слово о его начальнике Иване Васильевиче Михайлове, учителях Викторе Львовиче Голубятникове, Марии Зубовой, Тамаре Зедгенидзе и других педагогах, давших мне и моим сверстникам такое нужное в то время начальное образование.

Основную массу рабочих и служащих станции Елизаветполь тогда составляли русские. Среди рабочих железнодорожного депо, вагонных мастерских и путейцев было немало армян, значительно меньше грузин и совсем мало местных азербайджанцев, основная часть которых занималась преимущественно сельским хозяйством. Среди путевых ремонтных рабочих преобладали азербайджанцы – выходцы из Ирана.

Будучи сам сыном кадрового рабочего и постоянно общаясь с семьями рабочих, особенно с детьми железнодорожников – моими сверстниками по учебе в училище, я имел возможность довольно близко познакомиться с их тяжелым положением, постоянными тревогами, связанными с нуждой. Это наложило большой отпечаток на формирование моего мировоззрения, уже с детства определило мою сопричастность к судьбам простых людей, которые подвергались со стороны представителей полицейского режима царской России и самой железнодорожной администрации различного рода гонениям. Позже, когда я повзрослел, чувство близости к рабочим, простым людям у меня с каждым годом все более росло и крепло.

Долина реки Кура, вдоль которой проходили железнодорожные линии Закавказской дороги, была во многих местах заболочена, особенно на участке Евлах – Акстафа, где моему отцу больше всего приходилось работать. В жаркие летние месяцы здесь свирепствовала малярия, от нее трудно было спастись без регулярного приема хины. Чтобы не страдать от жары и малярии, вся наша семья, кроме отца, в летние месяцы уходила в горы, в родное село Чардахлу, отличавшееся на редкость красивой природой, чистым воздухом и умеренным климатом.

Надо сказать, что в Чардахлу, как и в других поселениях нагорья Елизаветпольского уезда того времени, царили бедность, отсталость и невежество. Большое количество семей не имело собственного тягла, повозок и простых орудий для обработки земли, сбора урожая и его обмолота. Крестьяне мечтали об избавлении от кулацкой эксплуатации, нищеты и голода. Сельская молодежь рвалась к учебе, ей нужны были школы, просвещенные учителя и воспитатели, мастера, которые могли бы обучить ремеслам, каким-либо специальностям. Но большая часть юношей и девушек была лишена всего этого. С малых лет они пасли скот и батрачили у сельских богачей.

Многие крестьяне Чардахлу покидали село, бросали свои жалкие хижины и уходили на заработки в Баку, Тифлис, Елизаветполь, становились рабочими на нефтепромыслах, железной дороге и на Кедабекских рудниках.

Пребывание в селе в кругу сельских ребят и участие с ними в различных играх и детских затеях доставляло мне большое удовольствие. Не раз приходилось мне в летние месяцы проводить время в кочевках, пасти вместе с другими ребятами единственную корову, принадлежавшую моим старшим братьям Каграману и Аршаку. В каникулы мне предоставлялась возможность целиком окунуться в сельскую жизнь, познать разницу в положении состоятельных и бедных семей, своими глазами увидеть, как помыкали бедными крестьянами сельские богатеи, как издевались над простым сельским человеком полицейские урядники, участковые приставы и разные должностные чины уездной царской администрации.

Во время пребывания в Чардахлу я с большим интересом изучал и усваивал сельские обычаи, различные народные традиции, по которым формировались у моих сверстников понятия о мужестве и доблести, честности и благородстве, верности и преданности. Надо сказать, что жители нашего села всегда высоко ценили эти благородные человеческие качества, и это играло большую роль в воспитании сельской молодежи.

Ближайшими нашими соседями были несколько армянских, азербайджанских, русских и украинских сел. Отношения между крестьянами разных национальностей были самыми добрыми и уважительными. Особенно теплые и дружественные отношения издавна сложились между армянами и азербайджанцами. Каждая чардахлинская семья, как правило, имела в соседних азербайджанских селах близких и преданных людей; дружественные семьи – «досты», «кирвы», как их тогда называли, всегда были готовы прийти на помощь друг другу. Эта замечательная традиция сохранилась до сих пор. Довольно замкнуто вели себя по отношению к соседям лишь немцы-колонисты, заселявшие в нашем районе наиболее плодородные земли и пользовавшиеся почему-то различными привилегиями.

Мне до 15 лет постоянно приходилось общаться с иранскими азербайджанцами, работавшими на железной дороге, в артели отца. С детства я настолько хорошо овладел их разговорной речью, что еще и теперь могу беседовать с моими азербайджанскими друзьями на их родном языке.

Хорошо помню, что в отцовской артели долгое время работали два брата – иранских азербайджанца. Старшего из них звали Гусейн-Али, а младшего – Гасан-Али. Всей нашей семье, и прежде всего детворе, особенно близок был Гасан. Он часто рассказывал мне и моим малолетним братьям занимательные азербайджанские народные сказки о приключениях известного на всем Востоке мудрого Моллы Насреддина. Мы с братьями очень любили слушать пропитанные юмором и восточной мудростью повествования Гасана-Али, собиравшего нас в тихие вечера после рабочего дня во дворе рабочей казармы неподалеку от железнодорожного полотна.

В дни каникул, когда я бывал в Чардахлу, народные сказки и древние сказания, в том числе любимое нами эпическое повествование об армянском народном герое Давиде Сасунском, о мифических «вишапах» и «дэвах» рассказывали нам, подросткам и детям, искусные сельские сказители.

В такой обстановке протекало в давно минувшие годы мое детство, и это, безусловно, сыграло немаловажную роль в последующем формировании моих взглядов в области национальных отношений.

На последнем курсе железнодорожного училища передо мной встал вопрос о выборе занятия в жизни. Учился я отлично, жажда к знаниям была у меня сильной. Да и отец горел желанием хотя бы одному из своих сыновей дать более или менее приличное образование.

Однако, чтобы закончить гимназию, которая давала среднее образование с получением аттестата зрелости, надо было платить в месяц только за обучение 10 рублей золотом. А ведь

кроме этого нужны немалые деньги на форменную одежду, учебники, на жизнь в чужом городе. Надо сказать, что во всей Елизаветпольской губернии была всего одна мужская гимназия.

Такие большие расходы были явно не по карману моим родителям. Отец получал всего 30 рублей в месяц, на которые едва-едва содержал семью. Между тем он очень хотел, чтобы я продолжал учебу, чтобы в будущем мог стать квалифицированным специалистом на железной дороге, с которой он связал свою судьбу.

К счастью, Закавказская железная дорога имела в Тифлисе свое техническое училище, готовившее различных специалистов-транспортников. В то время, надо сказать, такие училища имела каждая железная дорога России, независимо от того, была ли она государственной или принадлежала частным акционерным обществам. Эти учебные заведения, как правило, укомплектовывались детьми рабочих и низкооплачиваемых служащих железных дорог. На льготных условиях они получали здесь возможность учиться в классах и кабинетах, работать в хорошо оборудованных мастерских, пользоваться общежитиями и недорогой столовой, получать экипировку. К тому же отличникам учебы выплачивалась стипендия в размере 3–6 рублей в месяц.

В 1912 году, отлично сдав вступительные конкурсные экзамены, я поступил в училище. Учебный год здесь продолжался 11 месяцев, из которых два летних предназначались для приобретения практических навыков в ремеслах и строительных работах. На летние каникулы отводился только один месяц. Обучение зимой строилось так: по 5–6 часов, до обеденного перерыва, мы занимались в учебных классах, после этого два часа работали в мастерских, а по вечерам готовили уроки по классным заданиям.

В курс теоретического обучения входили такие предметы, как геометрия, алгебра, физика, технология материалов, прикладная механика, железнодорожное дело, служба связи и электрификации на железной дороге, строительное искусство, геодезия и те виды черчения, которые связаны с изучением этих дисциплин. В мастерских мы в первый год обучались столярному и токарному делу по дереву, во второй – осваивали слесарное ремесло, в третий год практиковались как токари по металлу и знакомились с кузнечным делом. Требования к освоению этих ремесел были жесткие. В летние месяцы на практических работах мы овладевали мастерством кладки стен, штукатурки, побелки, окраски, плотничали. Обучение проводилось в ходе строительства какого-либо небольшого объекта.

Словом, программа училища как в области теории, так и в практической подготовке была многопрофильной и разнообразной. Каждый окончивший трехгодичный курс обучения избирал себе специальность для постоянной работы на железной дороге и в звании техника-практиканта назначался на должность в одну из основных служб дороги. Следуя советам родителей, я еще до окончания курса учения избрал себе службу пути, где много лет работал мой отец.

Теоретический курс обучения мы проходили под руководством опытных инженеров, среди которых были путейцы, механики, технологи, геодезисты. В мастерских нашими практическими занятиями по овладению основными ремеслами руководили обладавшие высоким мастерством техники, которые после окончания нашего же технического училища много лет проработали на железной дороге и приобрели большой опыт.

Большинство обучавшихся в училище составляли русские и грузины. Армян было сравнительно мало. Поляков и немцев – единицы. Значительная часть учеников проживала в благоустроенном общежитии, расположенном во дворе училища. Я прожил там два года. Нас, юношей 15–18 лет, связывали отношения дружбы, уважения друг к другу и взаимопомощи в учебе и быту, что нельзя было сказать о преподавателях, среди которых было несколько человек, зараженных шовинизмом и с пренебрежением относившихся к местному населению. Ученики, независимо от национальной принадлежности, ненавидели этих реакционеров, безуспешно пытавшихся внести раскол в дружный коллектив учеников, которые прошли неплохое классовое воспитание в бедных трудовых семьях железнодорожников.

Более 60 лет назад окончил я училище. Но до сих пор в моей памяти сохранились самые приятные воспоминания об этом учебном заведении, в стенах которого я получил техническое образование и трудовые навыки, так необходимые в жизни. В училище я обрел много друзей, память о которых бережно храню в своем сердце до сего времени. С душевной теплотой вспоминаю и наших преподавателей – инженеров путей сообщения Виктора Саввича Гридина и Николая Васильевича Бутова.

Трагедия Западной Армении

1 августа 1914 года началась Первая мировая война, которая решительным образом изменила всю международную обстановку. К этой войне давно готовились великие державы, разделившиеся на две группировки: на одной стороне Тройственный союз, в состав которого входили Германия, Австро-Венгрия и Турция, а на другой – Антанта в составе Англии, Франции и России. Эта война, подготовленная великими державами Европы, носила, как известно, империалистический характер.

Начало войны застало меня в родном селе, куда по совету отца я выехал из Тифлиса провести в кругу семьи свой месячный отдых. Здесь я стал свидетелем проведения мобилизации людей, отправки конского состава и повозок в армию. На моих глазах формировались команды призванных в армию запасников, видел я их проводы.

Все село в эти дни было взбудоражено неожиданно свалившимся несчастьем. Жители, особенно старики, хорошо понимали, что война неизбежно принесет народу немало бед и жертв. Поэтому зрелище проводов мобилизованных в армию было очень тягостным. Будущих солдат провожали убеленные сединами мужчины и женщины, молодые жены с обветренными лицами, по щекам которых струились слезы. Родные, близкие, друзья новобранцев обнимали их, желали им счастливого возвращения. Отцы и матери расставались, и, быть может, навсегда, со своими сыновьями, жены – с мужьями, дети – с отцами. Мужчины покидали родные места, своих родителей, жен, детей и шли навстречу ожидавшим их суровым испытаниям и лишениям.

С объявлением войны в Елизаветполе, куда вскоре я направился повидаться с отцом, как и повсюду, положение было напряженным.

Город и железнодорожная станция кишели жандармами и полицейскими: представители властей вынюхивали, нет ли в народе антивоенных и антиправительственных настроений. На станции Елизаветполь и на всей линии был установлен строгий контроль и за работой транспорта, и за каждым человеком. Поезда проходили день и ночь. Рабочие и служащие железной дороги были переведены на военное положение.

В последних числах августа я возвратился в Тифлис для завершения учебы в техническом училище. Близилась осень. Война приобретала все более широкий размах, охватывала новые страны, государства. В Тифлисе шли упорные слухи, что Турция как союзница Германии готовилась вскоре вступить в войну против России. Газеты сообщали о приготовлениях в Константинополе. Военная мобилизация в Турции, как нам стало известно, была проведена еще в начале августа.

10 августа в Дарданеллы вошли немецкие военные корабли «Гебен» и «Бреслау», которые вскоре пришвартовались в Константинопольском порту. В газетах было опубликовано сообщение султанского правительства о том, что эти корабли якобы куплены за 40 миллионов марок. «Гебен» был переименован в «Явуз Султан Селим», а «Бреслау» – в «Метили». Сведущие люди говорили, что это все выдумано для того, чтобы ввести общественное мнение в заблуждение, что немецкие корабли фактически должны стать флагманами турецкого военно-морского флота и действовать против русских черноморских военных баз. Так оно и оказалось в действительности.

30 октября почти все газеты Тифлиса неожиданно сообщили тревожную весть: «Гебен» и «Бреслау» 28 октября вошли в Черное море и, подойдя к следующему дню к Одесской гавани, потопили русскую канонерскую лодку «Донец». Затем во всех газетах появилось известие о том, что 30 октября турецкие крейсера подвергли бомбардировке Одессу, Севастополь, Феодосию, Новороссийск.

Россия немедленно порвала дипломатические отношения с Турцией и объявила ей войну. Военные действия на Кавказском фронте начались 10 ноября 1914 года. Первыми перешли в наступление турецкие войска. Они вторглись в отдельные районы Батумской области и начали продвигаться силами главной группировки в направлении Сарикамыша, Карса. Вслед за этим поползли настойчивые слухи о том, что султанское правительство обратилось с воззванием ко всем мусульманам Кавказа начать «священную войну» против России.

Истинной целью Турции, конечно, был захват Кавказа и утверждение своего владычества над его нефтяными богатствами. Но этим не ограничивались военные планы турецких правителей. Как пишет об этом профессор Е.Ф. Лудшувейт, Энвер-паша мечтал после захвата Кавказа «пойти на Прикаспий, Поволжье и Среднюю Азию, поднять восстание народов, живущих на восточных окраинах Российской империи, и с их помощью победоносным маршем двинуться на Афганистан и Индию»¹.

Кавказский военный округ был преобразован в Кавказский фронт. Вскоре с фронта стали поступать вести, что русская Кавказская армия перешла в наступление из района Нахичевани на Ван, из района Эривани по Алашкертской долине на Муш и Битлис, из района Карса и Сарикамыша – на Эрзерум, из района Батума – на Трапезунд. Наступление турецких войск было сорвано.

В последние дни ноября 1914 года начальника нашего технического училища инженера Можухина известили о предстоящем приезде в Тифлис царя Николая II и о том, что наше училище должно быть готово к его встрече. С утра 26 ноября в училище поднялась суматоха; все приводилось в порядок, нас, одетых в форму и «вооруженных» учебными деревянными винтовками, построили в колонны и повели на Вокзальную улицу, вдоль которой выстроили в две шеренги. Левее нашего училища и на другой стороне улицы, против нас, стояли такие же шеренги других учебных заведений города. Далее по всему маршруту движения эскорта царя вплоть до дворца его наместника на Кавказе по обе стороны улиц стояли воинские части гарнизона города.

Появился царь, окруженный высокопоставленными лицами и охраняемый довольно плотным кольцом жандармов и полицейских. Ряды вытянулись, взгляды всех присутствовавших устремились на Николая Романова. Я впервые видел самодержца всей России и подумал о тех неограниченных правах, которыми был наделен этот тиран. Это он приказал 9 января войскам открыть огонь по демонстрантам и обагрив улицы и площади Петербурга кровью ни в чем не повинных людей. Это по его повелению арестовывают, ссылают на каторгу в Сибирь или вешают людей.

На другой день после прибытия Николай II посетил Тифлисское юнкерское училище и присвоил старшекурсникам офицерские звания. Затем он отправился в Карс и Сарикамыш, чтобы здесь, вблизи от фронта, появиться среди офицеров и солдат Кавказской армии. Эта поездка, по всей вероятности, преследовала цель «высочайшим присутствием» воодушевить Кавказскую армию, а также местное население на успешное ведение только что разразившейся войны.

На Кавказском фронте военные действия разворачивались все более активно. Мобилизация приобрела новый размах после прибытия царя. В армию забирали не только призывников, но и офицеров запаса, отставных солдат более старших возрастов. Одни отправлялись в воинские части удрученно и грустно, другие же – с воодушевлением, охваченные чувством патриотизма.

¹ Лудшувейт Е.Ф. Турция в годы первой мировой войны 1914–1918 гг. М.: Изд-во МГУ, 1966. С. 63.

Далеко не безразлично относились к начавшейся войне России против Османской Турции широкие круги армянского народа. Они связывали с ней чрезвычайно важный вопрос – освобождение от турецкого ига Западной Армении, о чем я более подробно узнал в ходе войны.

Здесь я должен кратко рассказать читателю, как тогда представлялась нашей молодежи эта проблема, известная в истории под названием «армянского вопроса».

В предвоенный период в жизни армянского народа происходили важные национально-политические события. Прогрессивные армянские круги испытывали серьезную тревогу о положении и судьбе населения Западной Армении, входившей в состав Османской Турции. Содержание газет и книг этого времени было посвящено этому вопросу и путям его решения.

Из истории я знал, что мой народ – один из древнейших, что в прошлом он имел самостоятельную государственность, которая существовала более тысячелетия и пала в Средние века под ударами иноземных захватчиков. Виной этому были феодальная раздробленность страны и внутренние распри. Но немалую роль в потере государственной самостоятельности сыграло крайне невыгодное географическое положение Армении: выдвинутая в Переднюю Азию, она пересекалась важнейшими торговыми путями между Западом и Востоком. Из-за обладания этими артериями Армения непрерывно подвергалась нападениям со стороны более могущественных государств как с запада, так и с востока или же становилась ареной ожесточенных войн между этими державами.

После падения армянской государственности страна к XVII веку была разделена на две части – Западную Армению, которая попала под владычество Османской империи, и Восточную Армению, находившуюся под персидским господством. В начале XIX века Восточная Армения, как и другие районы Закавказья, вошла в состав России. Судьба восточных армян тесно переплелась с жизнью и освободительной борьбой русского народа, с его стремлением свергнуть ненавистный царский режим, установить народную власть на всей территории Российской империи.

Иная судьба выпала на долю народа Западной Армении. Население ее шести областей – Вана, Битлиса, Тигранакерта, Эрзерума, Харберда и Себастии, а также Киликии, как нам рассказывали люди старшего поколения, находясь около 500 лет под османским игом, подвергалось жесточайшему гнету, систематической дискриминации, а временами и прямому истреблению. Права западных армян всячески попирались, освободительное движение потоплялось в крови. Османские правители на протяжении многих лет методически осуществляли политику насильственной исламизации армян и других христианских наций. Наиболее широкий размах политика угнетения и истребления армян приняла при кровавом султани Абдул Гамиде II в 1895–1896 годах.

Западные армяне, которых в середине XIX века было около трех миллионов, на историческом опыте убедились, что с присоединением Восточной Армении к России она стала развиваться как составная часть великой державы, а русские армяне, как их тогда называли, в отличие от турецких армян, находятся в несравненно более благоприятных условиях общественно-политической и национальной жизни, испытывая благотворное воздействие прогрессивной культуры и освободительной борьбы русского народа.

Как среди восточных, так и среди западных армян постепенно утвердилась надежда, что при содействии Российского государства они, возможно, смогут создать автономию или самостоятельное армянское государство. Западные армяне мечтали об освобождении от султанского ига и объединении со своими восточными братьями. Так издавна, еще со времен Петра Великого, возникла и в последующем развилась русская ориентация армянского народа.

Армянской молодежи, вступившей в жизнь в начале XX века, старшие постоянно рассказывали о положительной роли России в жизни нашего народа. Нам не раз говорили и о том, что многие сыны Армении еще в прошлые века добровольно вступали в российскую армию,

доблестно сражались бок о бок с русскими солдатами. Мы знали о генерале Мадатове, который участвовал в составе армии Кутузова в разгроме войск Наполеона, а в последующем стал одним из видных военачальников русской армии, освободившей часть территории Закавказья, находившейся под персидским господством. Нам говорили о генерале Бебутове, который во главе русского экспедиционного корпуса принимал участие в разгроме турецких войск на Кавказе во время Крымской войны, о генералах-армянах Лорис-Меликове, Лазареве, Тер-Гукасове, Алхазове, Шелковникове и других, которые, командуя в русско-турецкой войне 1877–1878 годов крупными соединениями войск на Кавказском фронте, выиграли не одно блестящее сражение, прославившее русское оружие.

Будучи уверены, что освобождение Западной Армении связано лишь с помощью России, на основе братского союза с великим русским народом, широкие круги армянского народа с самого начала русско-турецкой войны создали для участия в боевых действиях ряд добровольческих отрядов, которые плечом к плечу с русскими воинами самоотверженно сражались против турецких орд.

Наряду с этим в ходе войны армяне повсеместно помогали русским войскам поставками тысяч коней, телег, большого количества продовольствия, фуража, теплой одежды.

После победоносного завершения русско-турецкой войны 1877–1878 годов в Сан-Стефано (близ Константинополя) состоялось подписание договора о мире между Россией и Турцией. Тогда же возник «армянский вопрос», ставший предметом обсуждения международной дипломатии. По статье 16 договора, султанское правительство Турции обязалось осуществить в армянских областях реформы и обеспечить безопасность армян. Россия получила право выступать в роли защитницы прав западных армян, контролировать осуществляемую Турцией в их отношении политику. А это, как выяснилось, не соответствовало интересам великих европейских держав, прежде всего правительств Англии, Германии и Австрии. Именно они созвали в июне 1878 года в Берлине конгресс, на котором был пересмотрен Сан-Стефанский договор. Для участия в этом конгрессе в Берлин отправилась армянская делегация во главе с литературно-общественным деятелем архиепископом Мкртичем Хримяном. Однако главари европейских держав принять делегацию отказались. 61-я статья договора, принятого Берлинским конгрессом, предусматривала проведение реформы в армянских областях Турции, причем право контроля за выполнением этой статьи предоставлялось не только России, но участвовавшим в Берлинском конгрессе государствам, то есть правительствам Германии, Англии, Франции и Австрии, которые, исходя из своих политических интересов, были явно настроены в пользу султанской Турции. Жгучая и давно назревшая проблема коренного улучшения положения армян, проживавших в Турции, на исконно армянских землях, осталась неразрешенной.

В начале XX века в Турции появились так называемые младотурки, которые утверждали, что ставят целью свергнуть самодержавную власть султана, создать конституционные порядки в стране и управлять ею с помощью парламента. Они обещали предоставить в парламенте 40 мест для представителей армянского населения, а также облегчить его положение. Часть армянских деятелей, в особенности руководители партии Дашнакцутюн, воодушевились обещаниями младотурок и перспективами преобразования страны.

В 1908 году в Турции был совершен дворцовый переворот. Султан Абдул Гамид был свергнут, но султанат сохранился, власть перешла в руки младотурок. Было образовано новое правительство, основными руководителями которого стали Талаат-паша, Энвер-паша и Джемал-паша. Их называли триумвиратом младотурок.

Однако надежда армян на разрешение национального вопроса не оправдалась. Как выяснилось позже, именно младотурки вскоре организовали резню армян в Адане. В течение нескольких месяцев было уничтожено 30 тысяч человек.

Русская печать заполнилась описанием ужасных картин. Весьма характерно, что газета «Правда» в одном из своих номеров летом 1912 года опубликовала большую статью, в которой

подвергла резкой критике реакционную политику младотурок в отношении армян. В ней говорилось: «Младотурки обнаружили все пороки и слабости турецкой либеральной буржуазии, а с другой стороны – весь деспотизм военно-офицерской касты, ставшей у власти. Либеральные на словах, на деле они полны были черносотенным национализмом самой крепкой марки и черствым буржуазным эгоизмом... Их стремления отуречить армян, славян, греков, евреев и других населяющих Оттоманскую империю приняли еще более грубый и настойчивый характер, чем при Абдул Гамиде»². Такую ленинскую оценку происходящим событиям давал центральный орган большевистской партии. Газета имела в виду новую резню армян Киликии, которая была осуществлена в 1909–1912 годах. Через Черное море и Кавказ в Россию устремились новые толпы армянских беженцев. Армянский вопрос вновь стал предметом широкого общественного обсуждения.

Все это с новой силой вызвало среди армянского народа подъем освободительного движения против турецкой деспотии.

В 1912 году началась Балканская война. Болгары, греки, сербы, македонцы и другие народы совместно развернули борьбу против Турции за окончательное освобождение из-под ее ига. Многие из армянских бойцов-патриотов, жаждавшие сражаться против турецких угнетателей, перешли на Балканы, чтобы принять участие в боях против турецкой армии.

Широкую популярность и признание среди нашего народа к этому времени приобрел Андраник Озаян – один из руководителей боевой дружины армян, которая воевала в составе болгарской армии против султанской Турции. Вокруг имени Андраника Озаяна и его соратников создавались легенды. Еще на своей родине, в Шабин-Гарахисаре, а затем в Сасуне, Андраник десятки лет сражался как рядовой боец, гайдук; позже он стал командиром отряда. В 1903 году с группой бойцов, обороняясь в монастыре Аракелоц, он целый месяц героически сопротивлялся отрядам полиции и регулярным турецким частям. Потом Озаян был среди руководителей крестьянского восстания в Сасуне, и его имя стало символом отваги и преданности своему народу.

Сообщения, поступающие с фронтов Балканской войны, подтверждали, что Андраник вместе с другими армянскими деятелями встретился с организатором болгарского ополчения Миланом Демяновым и создал с его помощью армянский ополченский отряд в несколько сот бойцов.

Помнится, что после окончания Балканской войны мне предоставилась возможность ознакомиться с книгой «Армянская дружина в болгаро-турецкой войне», изданной в Болгарии в 1914 году. В ней были помещены очерки и о подвигах Андраника. Интересным было сообщение, что его бойцы шли в бой вместе с болгарскими, распевая марш «Шуми, Марица». На меня произвел большое впечатление рассказ о том, что во время одного из боев болгарские и армянские бойцы неожиданно напали на штаб турецкого корпуса, вызвали панику среди противника и взяли в плен командира корпуса Явер-пашу и многих офицеров.

За этот подвиг Андраник был награжден высоким болгарским орденом – Крестом храбрости. Командующий болгарскими войсками Петогеров прибыл в армянскую часть и вручил орден Андраннику и его боевым друзьям.

«Сегодня, в день вашего большого праздника, – заявил болгарский военачальник, – я прибыл к вам для вручения Крестов храбрости. Вы, армяне, все – герои и сражаетесь, как львы... Пусть эти кресты, которые получают армяне, служат знаками гордости для всей армянской части...»

– Народ, – сказал Петогеров, – который ценит своих героев, никогда не умрет. Будущее такого народа светлое, его спасение близко.

² Правда. 1912. 27 июля.

В болгарских и армянских газетах был опубликован специальный документ о боевых действиях армянской части, подписанный командиром болгарского ополчения генерал-майором Геневым и начальником штаба генерал-майором Дервинговым. Этот документ и сегодня сохранил свое значение как свидетельство боевого братства армянского и болгарского народов, скрепленного совместно пролитой кровью.

Победоносные войны освободительных армий болгарского и других балканских народов против турецких захватчиков, а также некоторые позитивные шаги, предпринятые не только Россией, но, на сей раз, и другими европейскими государствами в направлении реального осуществления реформ в Западной Армении, обрисовывали, казалось бы, близкие перспективы претворения в жизнь чаяний армянского народа.

Однако вспыхнувшая первая мировая война решительным образом изменила всю международную обстановку и взаимоотношения между ведущими странами мира, а вместе с тем погасила надежды на решение «армянского вопроса».

В связи с этим мне вспоминается, что еще накануне войны турецкое правительство и главари младотурецкой партии Иттихад предложили национальным органам Западной Армении выступить на стороне турок, против русских. «Русские должны быть выдворены с Кавказа, – говорили правители Турции. – Наше участие в мировой войне оправдано нашими национальными идеалами. Наши национальные интересы толкают нас на уничтожение нашего московского врага во имя того, чтобы благодаря этому установить естественные границы нашей империи, которые охватят и объединят все ветви нашей расы».

На это предложение султанской Турции, как и следовало ожидать, армяне не согласились. Поскольку освобождение Западной Армении после начавшейся войны во многом зависело от победы России над Турцией, среди русских армян развернулось добровольческое движение. В январе 1915 года в Закавказье были созданы шесть армянских дружин, в каждой из которых насчитывалось от 1000 до 1200 стрелков и всадников. Это были по своему характеру ополченские боевые части, личный состав которых, невзирая на империалистический характер войны, решил сражаться в составе русской армии против турецких войск, преследуя при этом благородную цель – освобождение Западной Армении. Кроме этих дружин, отправленных на фронт, была создана и седьмая запасная дружина, в которую вступали новые добровольцы, проходившие здесь военную подготовку и направляемые затем на фронт для пополнения рядов сражавшихся там дружин.

Помню, как-то мне в руки попал альбом, на обложке которого по-русски и по-армянски было написано «Армянские добровольцы» и нарисован ополченец с перевязанной головой и с ребенком на руках; другой рукой он прикрывал армянскую женщину и ее детей. Рядом были изображены армянские добровольцы на боевых позициях, а на общем фоне начертаны строки из известного стихотворения великого поэта-демократа Микаэла Налбандяна, в которых говорилось, что человек умирает лишь раз, но счастлив тот, кто отдает свою жизнь за свободу своего народа.

Этот девиз отвечал духу переживаемого армянским народом времени.

Несколько забегаю вперед, хочу отметить, что, по отзывам командиров соединений Кавказского фронта, армянские добровольческие дружины самоотверженно сражались против турецких войск, часто выполняя самые трудные задачи, то и дело возникавшие во время боев, которые велись среди крутых и высоких гор. Самую лучшую оценку со стороны военного командования заслужила 1-я добровольческая дружина под командованием народного героя Армении Андраника.

Вспоминая далекое прошлое, мне хочется отметить, что история национально-освободительной борьбы западных армян довольно наглядно показала, что Андраник еще в раннем возрасте, без сомнения, твердо верил, что успех этого благородного движения в решающей степени зависит от России, от бескорыстной помощи русского народа. В силу этого убеждения

Андраник на протяжении всей сознательной жизни оставался одним из самых искренних и последовательных поборников русской ориентации армянского народа.

Весь армянский народ был убежден в том, что Андраник всю свою сознательную жизнь посвятил самоотверженной борьбе за освобождение родной Западной Армении от многовекового деспотизма реакционных кругов Османской Турции.

Весьма знаменательно, что в составе дружины Андраника некоторое время героически сражался против турок молодой Анастас Иванович Микоян, а в рядах 6-й добровольческой дружины на эрзерумском направлении доблестно бился Гайк Бжишкян, впоследствии прославленный герой гражданской войны, видный полководец Красной армии, вошедший в историю под именем Гай. Уже тогда он отличался бесстрашием и командирскими способностями. Гайк Бжишкян в ту пору был известен и как журналист. В газетах часто публиковались его очерки с эрзерумского участка фронта, в особенности статьи, посвященные боевой дружбе русских и армянских воинов.

В конце декабря 1914 года и в первые дни нового, 1915 года из Карса в Тифлис стали прибывать поезда с тысячами раненых. Эти поезда зачастую по несколько часов, а то и целыми днями стояли на запасных путях станции. Раненые рассказывали, что в районе Сарикамышы и к северу от него идут ожесточенные бои, что 3-я турецкая армия, обойдя правый фланг наших войск, продвигавшихся из Сарикамышы на Эрзерум, развернула крупное наступление против главной группировки Кавказского фронта. Утверждали также, что из Стамбула прибыл и руководит действиями этой армии сам Энвер-паша – военный министр Турции, главнокомандующий всеми турецкими войсками. Вначале турецкая армия успешно наступала и вторглась в западную часть Карсской области, стремясь овладеть Ардаганом, Карсом и Сарикамышем и в дальнейшем развернуть наступление на Тифлис. Однако вскоре положение изменилось. Русская армия перешла в решительное контрнаступление, взяла в клещи части 3-й турецкой армии в районе к северу и северо-востоку от Сарикамышы и нанесла им решительное поражение. В этой операции, известной в истории Первой мировой войны под названием Сарикамышской, турки из своей 90-тысячной армии потеряли 78 тысяч офицеров и аскеров убитыми, пленными и погибшими от морозов.

Наступила весна 1915 года. Поезда из Карса привозили вглубь страны тысячи беженцев, в основном армян – стариков, женщин и детей. Это были те немногие счастливцы, которые с помощью русских войск спаслись от турецкого ятагана. Значительно позже из различных источников стало известно, что в конце апреля 1915 года по приказу турецких властей началось массовое избиение и изгнание населения Западной Армении в безжизненные пустыни Месопотамии. В результате подобного варварства погибло огромное количество людей как от прямого истребления оружием, так и от голода и эпидемий в самой пустыне.

Известный русский писатель и литературовед Юрий Веселовский об этом написал книгу «Трагедия Западной Армении», которая была издана в Москве в 1915 году, а выдающийся русский поэт Валерий Брюсов – специальное исследование «Летопись исторических судеб армянского народа». В этих книгах, во многих газетных и журнальных статьях прогрессивных деятелей России описывалась трагедия Западной Армении, приводились конкретные факты массового истребления армян.

В этой связи небезынтересно вспомнить, что в одном из номеров русской газеты «Терек», издававшейся в ту пору на Северном Кавказе, была опубликована статья под названием «Народ страждущий», подписанная Серми. Автор ее писал, что османские власти лелеяли злодейский замысел истребления всего армянского населения с первых же дней войны с Турцией. В подтверждение этого он приводил свидетельства, факты. Далее Серми писал: «Изо дня в день из Турецкой Армении шли одни и те же кошмарные вести. Что делали там турки, – об этом не расскажут слезы армянских женщин и детей, а варварски пролитая кровь мирного армянского населения, переживающего невыразимый ужас и страдания, дает только некоторое, весьма

отдаленное представление о голгофе армянского народа. Быть может, только потом, когда останутся реки человеческой крови, новый Данте нарисует картину страшных мучений миллионов людей»³.

Много лет спустя я узнал, что автором этой статьи, выступившим под псевдонимом Серми, был выдающийся революционер-ленинец Сергей Миронович Киров, который в то время работал в городе Владикавказе (ныне Орджоникидзе).

Трудно описать то огромное, поистине беспредельное горе, которое охватило тогда весь армянский народ. Кровавые события вызвали решительный протест и со стороны передовых слоев русского народа, всех прогрессивных людей мира.

Прошло много лет после этой потрясающей трагедии армянского народа. Прояснились многие факты. Теперь уже ни у кого не вызывает сомнения то обстоятельство, что инициаторами и организаторами геноцида армянского населения в 1915 году были такие реакционные и проникнутые черносотенным духом деятели, как министр внутренних дел султанской Турции Талаат-паша, военный министр, главнокомандующий вооруженными силами Турции Энвер-паша и глава центрального секретариата Иттихада – доктор Назим.

Чтобы не быть голословным, приведу лишь некоторые выдержки из изданного ими 15 апреля 1915 года документа «Секретное распоряжение губернаторам, начальникам уездов, предводителям племен Османской империи»⁴. Вот что писали в этом документе вышепоименованные заправилы султанской Турции:

«Пользуясь возможностью, предоставленной войной, мы решили подвергнуть армянский народ окончательной ликвидации, высылая его в пустыни Аравии. Правительство и великий комитет Иттихада обращаются к вам и приказывают – всеми силами содействовать местным органам Иттихада, которые 24 апреля, начиная с восхода солнца, должны приступить к осуществлению этого приказа, согласно секретному плану...»⁵

Организаторы чудовищного геноцида, приведшего к массовой гибели ни в чем не повинных людей, рассчитывали таким невиданным в истории человечества варварством решить армянский вопрос. Они полагали, что, истребив население Западной Армении, тем самым смогут раз и навсегда покончить и с их национально-освободительным движением.

Еще тогда, в годы далекой юности, мне было понятно, что в этом кровавом преступлении не могут быть повинны простые турецкие труженики – крестьяне, ремесленники, рабочие. Но только многие годы спустя, когда я постиг основы марксистского мировоззрения и научился понимать классовый смысл политических событий, с потрясающей силой осознал всю бездну чудовищного зверства, учиненного над моим народом правящей реакционной верхушкой феодальных и либерально-буржуазных кругов тогдашней Турции.

Многие турецкие семьи, как стало известно, укрывали беззащитных армян от ожидавшей их зверской расправы со стороны распоясавшихся реакционеров, поощряемых преступными турецкими правителями. Именно чтобы пресечь массовое проявление турецким народом трудовой солидарности с армянами, презренные организаторы их массового истребления Талаат, Энвер и Назим вынуждены были в заключение цитировавшегося нами документа от 15 апреля 1915 года сформулировать следующий человеконенавистнический пункт: «Каждое должностное или частное лицо, которое будет противодействовать этому святому и патриотическому делу и не будет выполнять возложенные на него обязательства, или каким-нибудь образом попытается защищать или укрывать того или другого армянина, будет признано врагом отечества и религии и соответственно наказано».

³ Терек. 1916. 14 февраля.

⁴ Центральный Госархив Армянской ССР. Ф. 314. Оп. 12. Д. 23. Л. 1–3.

⁵ Известия. 1973. 26 октября.

Для вскрытия истинных причин геноцида мирных жителей Западной Армении считаю целесообразным обратить внимание читателя на выступление по этому вопросу известного всему миру выдающегося советского ученого, академика Виктора Амазасповича Амбарцумяна.

«Крупнейшим, ничем не прикрытым актом геноцида периода империализма явилось уничтожение шесть десятилетий тому назад жителей Западной Армении. Используя военную обстановку, турецкая реакция учинила в 1915–1916 гг. кровавую расправу над безоружным и беззащитным армянским населением. Физическое истребление более полутора миллионов мирных граждан было осуществлено с фанатичной беспощадной жестокостью...

...Четверть века спустя гитлеровские фашисты далеко превзошли своих предшественников, придумывая чудовищные способы истребления русских, поляков, евреев, чехов и других народов, строя в Освенциме и Бухенвальде газовые камеры и ямы для погребения тысяч и тысяч людей. Характерно, что, напутствуя своих солдат на истребление славян, Гитлер призывал их не оглядываться на суд истории, цинично ссылаясь на геноцид армян, который якобы давно забыт»⁶.

Заканчивая рассмотрение этого вопроса, хочу особо подчеркнуть – у всех честных и здравомыслящих людей мира вызывает гневное возмущение то обстоятельство, что в современной Турции появилось немало фальсификаторов, которые изо всех сил пытаются представить перед мировой общественностью в совершенно ином свете чудовищное преступление против мирного и беззащитного населения Западной Армении, всеми мерами стремятся обелить гнусные дела реакционных правителей султанской Турции, осуществивших это невиданное по своим масштабам и жестокости злодеяние.

⁶ Правда. 1975. 24 апреля.

Под знаменами Русской армии

В конце мая 1915 года, по окончании технического железнодорожного училища, я был назначен на должность техника-практиканта 9-го участка службы пути, который имел свою контору на станции Елизаветполь. Отец и мать были очень рады этому давно желанному событию. Однако несмотря на то, что, как железнодорожник, я не подлежал призыву в армию, проработал здесь я недолго – всего три месяца. Мне было уже без малого 18 лет, я достаточно ясно понимал суть сложившейся на Кавказском фронте общей военной обстановки и кровавых событий в Турции, ввергших, как уже говорилось, весной 1915 года все население Западной Армении в пучину безысходного горя. Я не мог оставаться в стороне от борьбы против ненавистных врагов моего родного народа. При этом отчетливо понимал, что только плечом к плечу с российским солдатом мне будет под силу сражаться против турецких палачей.

Побуждаемый этими чувствами и преодолев сопротивление родителей, 9 октября 1915 года я добровольно вступил в русскую армию. Меня направили в город Ахалцих, в 116-й запасной батальон, где в ускоренном порядке нужно было пройти необходимую военную подготовку перед отправлением на фронт.

Солдатская служба со всеми ее трудностями и невзгодами несколько не омрачала мое моральное состояние. Здоровое настроение и бодрость духа не покидали меня. Я старательно выполнял все свои обязанности, стремился под руководством опытных унтер-офицеров и бывалых солдат подготовить себя к предстоящим походам и боям, к суровым условиям фронтовой жизни. И надо сказать, что за время трехмесячного пребывания в запасном батальоне мне удалось достичь немало. Не последнюю роль при этом сыграло то обстоятельство, что за восемь лет учебы в школе и училище я под руководством кадровых армейских офицеров прошел краткий курс первоначальной военной подготовки, прилежно занимаясь гимнастикой, строевой подготовкой и приемами рукопашного боя.

Я и мои сверстники, добровольно вступившие вместе со мной на военную службу, с нетерпением ожидали отправки на фронт. В последних числах декабря 1915 года из нашей части был сформирован маршевый батальон, в состав которого были зачислены и мы. Батальон направлялся на Кавказский фронт для укомплектования частей Экспедиционного корпуса генерала Баратова.

Несколько слов об истории появления этого корпуса. Министерству иностранных дел России и командованию Кавказского фронта в ходе войны стало известно, что в Иране германские и турецкие власти готовят новые военно-политические планы в ущерб интересам России и ее союзницы – Англии. В Иран проникли германские агенты и целые части турецких войск, намеревавшиеся при содействии основных сил персидской жандармерии, а также иррегулярных формирований наемников сперва подчинить своему влиянию значительную часть территории Ирана, а в последующем – совместно с силами турецкой армии нанести удар по юго-восточным районам Закавказья и попытаться проникнуть в Афганистан и в пределы Индии – главной колонии Великобритании.

Из войск Кавказского фронта был сформирован специальный Экспедиционный корпус под командованием генерала Баратова. Он должен был вступить в Иран для пресечения германо-турецких происков на его территории, развернуть в дальнейшем более глубокое наступление с выходом в район Багдада и, соединившись там с англичанами, нанести удар в направлении Диарбекира против правого фланга и тыла 3-й турецкой армии.

Сформированный в Ахалцихе, наш маршевый батальон должен был войти во 2-й кавказский пограничный полк, входивший в боевой состав Экспедиционного корпуса, который, по сути дела, являлся крупным кавалерийским соединением. В него входили Кавказская кав-

лерийская и 1-я кавказская казачья дивизии, а также несколько отдельных казачьих полков с Кубани. Корпусу, кроме нашего полка, был еще придан и 4-й кавказский пограничный полк.

Во второй половине декабря 1915 года мы из Ахалциха маршем двинулись на Боржом, а оттуда – по железной дороге в Тифлис. Здесь нам выдали боевые винтовки, патроны и прочее военное снаряжение. В тот же день наш эшелон двинулся на Баку. Когда он подходил к станции Елизаветполь, я не удержался от желания повидаться с родными и попросил взводного командира разрешить мне сойти с поезда у нашей рабочей казармы. На часок, мол, забегу домой, а потом другим эшелонном доберусь до Баку и присоединюсь к своей части. Командир не возражал. На ходу я спрыгнул с подножки около казармы. Была глубокая ночь, дома все спали. Отец, мать, братья удивились и обрадовались моему неожиданному приезду. Сестренка Арусяк выскочила из постели в одной сорочке, повисла у меня на шее и долго не хотела отпускать из своих объятий. Наша радостная встреча была непродолжительной. Посидели, поговорили, хлопотливая матушка, то и дело смахивая со щек слезы, накормила «служивого» скромной домашней едой, – и снова в путь.

Вскоре я устроился в другой эшелон, идущий в Баку, и нагнал там свою часть.

Мы прибыли в порт. Нас погрузили на небольшое пассажирское судно «Цесаревич Алексей», который взял курс на город Энзели (ныне Пехлеви). Этот порт по существу являлся воротами Ирана со стороны Каспийского моря. Из Энзели мы походным порядком двинулись на Решт, куда и прибыли на следующий день. По пыльной дороге шли караваны верблюдов и других навьюченных животных, которые перевозили боеприпасы и имущество для нужд Экспедиционного корпуса. На марше нас обгоняли грузовые автомашины с оружием и боеприпасами для артиллерии на борту.

Путь из Решта на Казвин занял целую неделю. Длительный пеший поход изнурил нас.

На подступах к Казвину нас с духовым оркестром встретили начальник гарнизона и представитель 2-го кавказского пограничного полка, который принял наш маршевый батальон и проводил до места его расквартирования.

Выяснилось, что наши маршевые роты входили в этот полк в качестве его четвертого батальона. Здесь я был зачислен в 15-ю сотню (так назывались роты в пограничных полках в годы войны) четвертого батальона рядовым солдатом. В батальоне было много юношей из Елизаветполя. Помню моих однокашников по железнодорожному училищу – друга моего детства Григория Оганезова и Николая Перелыгина, а также Левона Овсепяна и других моих сверстников, которые состояли в 13-й и других сотнях нашего батальона. В Казвине батальон пробыл до середины января 1916 года. Здесь мы наблюдали жизнь и быт жителей этого города: мусульманские обряды, празднества, проповеди мулл, восточную роскошь и рядом – нищих, толпы голых и голодных детей. В Казвине мы виделись и с местными армянами. Запомнился один армянский учитель по имени Гагик Варжапет, который рассказал о тяжелой жизни армян, живущих в Персии.

Из Казвина наш батальон двинулся на Хамадан. Мы уже успели вместе с другими подразделениями полка пройти от порта Энзели около 400 верст трудного пути. За день мы одолевали по 30 и более верст. Мы тащили на себе тяжелую солдатскую ношу: оружие, боеприпасы, лопаты, вещевые мешки, небольшие по размерам личные походные палатки. Во время марша отдельные солдаты-добровольцы совсем обессилели и вышли из строя. К счастью, командир нашего взвода старший унтер-офицер Болотинцев был очень хорошим человеком, старым солдатом, принимавшим участие в русско-японской войне. Мы звали его Савельичем. Взводный тепло и участливо относился к солдатам, сочувственно помогал им всем, чем мог.

По сведениям, полученным командованием нашего батальона, в районе Хамадана продолжали еще оставаться отдельные группы турецких офицеров, которые, используя отряды персидской жандармерии и сформированные ими иррегулярные отряды курдов и местных мусульман, стремились общими усилиями серьезно нарушить работу тыла корпуса и по воз-

возможности дольше задержать продвижение отдельных воинских частей на Хамадан и далее на Керманшах.

Относительно легко рассеяв их в короткой стычке, мы без потерь вступили в Хамадан – один из крупных городов Персии.

До последних чисел января наш батальон оставался в Хамадане. Здесь мы имели возможность ознакомиться с некоторыми особенностями этого восточного города. Хорошо запомнился мне его красочный восточный рынок, который тянулся вдоль всей главной улицы города. По обеим ее сторонам было множество мелких лавочек, чайных и харчевен, разных мастерских, сидели менялы денег, работали мастера серебряных и золотых дел.

После отдыха батальон в начале февраля двинулся в поход из Хамадана на Керманшах. Вновь перед нами лежали сотни верст трудного пути. Пройдя свыше 150 верст, мы наконец догнали главные силы Экспедиционного корпуса, наступавшего широким фронтом в общем направлении на Керманшах – важный стратегический пункт на пути к Багдаду. Здесь, в районе большого села, носившего название Бехистун, мы в ходе боев влились в состав 2-го пограничного полка, который в это время наступал на главном керманшахском направлении, составляя центр боевого порядка частей Экспедиционного корпуса.

На окраине этого известного в истории Персии населенного пункта стоял громадный утес. Подойдя к нему, мы увидели, что из-под скалы обильно течет целая река прозрачной воды. Все бросились к роднику, чтобы утолить жажду. Низ скалы был отшлифован, и на камне виднелись высеченные фигуры и довольно длинная надпись. Я долго рассматривал ее. Буквы были странными, похожими на клинья, прочесть текст и понять его смысл нам было, конечно, не под силу. И лишь много лет спустя я узнал, что это была знаменитая бехистунская надпись персидского царя Дария I из династии Ахеменидов, повествующая потомкам о том, что в своих походах он подавил восстания многих народов, в том числе и непокорных армян, которые, однако, и в дальнейшем несколько раз восставали и выходили из-под власти Ахеменидского царства. Надпись состоит из главного текста и ряда малых, помещенных над изображенными в рельефе фигурами. Речь идет о трех текстах с одним и тем же содержанием, написанных соответственно тремя родами клинописи на трех языках: древнеперсидском, эламском и вавилонском. Над персидским текстом помещен огромный рельеф, изображающий сцену суда Дария над побежденными противниками – Гауматой и другими. . . Бехистунская надпись – это своего рода манифест Дария I, трактующий события конца VI века до нашей эры, в которых принимали участие широкие народные массы, в частности восстание в Маршиане (область Мары, Туркменская ССР) и в Армении⁷.

После небольших боевых стычек под Бехистуном наши войска довольно успешно продолжали продвигаться вперед. В начале марта 1916 года они встретили на ближайших подступах к Керманшаху сопротивление крупных соединений и частей турецкой армии, в составе которых было немало отборных немецких подразделений во главе с опытными офицерами. Установив боевое соприкосновение с противником, соединения и части Экспедиционного корпуса генерала Баратова перешли в решительное наступление.

Кавказская кавалерийская дивизия и казачьи части кубанцев пытались обойти фланги группировки турецких войск, упорно стремившейся удержать за собой город. Непосредственно на город в центре боевого построения корпуса наступал 2-й кавказский пограничный полк, имевший в своем составе четыре полнокровных батальона.

Наступление полка поддерживалось огнем двух горных батарей. Развернутая в две цепи, наша сотня вместе с другими подразделениями батальона медленно, но настойчиво, перебежками выдвигалась вперед от одного огневого рубежа к другому, чтобы добраться до окопов, занятых турками. К подобному маневру прибегали и другие батальоны нашего полка.

⁷ См.: Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962. С. 390.

Завязался напряженный бой, в результате которого батальоны полка ворвались в город, а наши конники лихим маневром и атаками охватили фланги противника. К вечеру турки, а вместе с ними и отряды персидской жандармерии и наемников не выдержали общего натиска частей корпуса Баратова и вынуждены были оставить город, начать поспешный отход в юго-западном направлении.

После овладения Керманшахом Экспедиционный корпус перешел к преследованию турецких войск, отходивших на Касри-Ширин, чтобы в последующем, как нам говорили тогда, выйти в район Багдада и соединиться там с англичанами. Одновременно командование корпуса намеревалось развернуть наступление в направлении Диарбекира, чтобы выйти в тыл 3-й турецкой армии, действовавшей против главных сил Кавказского фронта.

Продвижение частей Экспедиционного корпуса с боями к Касри-Ширину заняло полтора месяца. Пожалуй, этот этап длительного похода от берегов Каспийского моря и до вступления на землю Ирака был наиболее трудным и сложным. Здесь наши войска встретили возросшее сопротивление со стороны турецких частей, поддержанных многочисленными курдскими и жандармскими отрядами.

Однако наиболее мучительной для нас была нестерпимая жара. Питьевую воду нам доставляли на верблюдах, в бурдюках, но пока она доходила до нас, становилась безвкусной, теплой и не утоляла жажду. Чтобы предохраниться от солнечных ударов, весь личный состав частей корпуса был обеспечен специальными козырьками из ткани защитного цвета, которые шнурками прикреплялись к фуражке и прикрывали от палящих лучей солнца самые уязвимые места – лоб и затылок. Кони в этих же целях были обеспечены специальными налобниками, сшитыми из белой ткани.

Таким образом, в чрезвычайно тяжелых условиях нам удалось на главном направлении наступления наших войск выйти на подступы к Багдаду. Однако дальнейшее наступление Экспедиционного корпуса приняло затяжной характер. Англичане потерпели крупное поражение под Кут-эль-Амары от турок и отказались от запланированных совместных действий для захвата Багдада. Было ясно, что они вовсе не заинтересованы в том, чтобы русские войска проникли в пределы Ирака. Британское командование, видимо, опасалось их выхода в Верхнюю Месопотамию с богатыми мосульскими нефтяными источниками. Из-за вероломства англичан операция по захвату Багдада объединенными силами союзников была сорвана.

Политика англичан была на руку туркам. Воспользовавшись благоприятным оборотом дел, турецкое командование собрало крупные силы и бросило их в контрнаступление против Экспедиционного корпуса генерала Баратова. Вновь развернулись ожесточенные бои. На этот раз наши войска вынуждены были перейти к обороне.

Стояли жаркие летние дни 1916 года, погода становилась все более знойной. Солдаты нашего взвода не покладая рук рыли окопы, оборудовали позиции. И вот в один из этих дней взводный Савельич вызвал меня к себе и доверительно сказал:

– Знаешь, Иван, требуют кандидатов для посылки в Тифлис, в школу прапорщиков. Выбирают тех, кто показал себя смелым в боях, имеет необходимое образование, хорошо аттестован по службе. Кажется, у тебя все эти данные имеются, так что есть возможность учиться на офицера...

Вскоре в числе других меня направили в школу прапорщиков. Из нашей части отправлялись в Тифлис на учебу всего три человека: я, мой школьный товарищ Николай Перельгин и тифлисский армянин по фамилии Акопов.

Так закончилась моя фронтовая жизнь в рядах Экспедиционного корпуса в Иране. Мне, восемнадцатилетнему юноше, в положении рядового солдата пришлось испытать все тяготы войны в очень своеобразном и крайне знойном, почти тропическом районе. Здесь я получил боевое крещение и представление о действиях пехоты. Здесь же подружился с солдатами,

познал их многотрудную фронтовую жизнь, воочию убедился в нелегкой доле защитников «царя и отечества».

Тепло распрощавшись с товарищами и нашим любимым взводным командиром Савельичем, мы двинулись в дорогу. Предстояло пройти пешком свыше 750 верст до порта Энзели. Мы с Николаем Перелыгиным были молоды и относительно легко прошагали этот долгий путь. Несколько труднее было Акопову, который по возрасту был намного старше нас.

На каком-то невзрачном суденышке добрались до Баку.

Мне и Николаю Перелыгину начальство разрешило остаться на несколько дней у родных в Елизаветполе. До сего времени я хорошо помню проникнутое глубокой любовью отношение ко мне моей матери. Она в те дни не знала покоя, все интересовалась, где я побывал, какие перенес лишения. Я уже не говорю о ее стремлении вкусно накормить меня любимыми национальными блюдами, привести в порядок мое обмундирование и белье, выкроить для меня хоть немного денег на всякие мелкие расходы.

Десять дней пролетели быстро, и мы с Николаем Перелыгиным, распрощавшись с родными и друзьями детства, уехали в Тифлис, где должны были явиться в штаб 218-го запасного пехотного полка. Надо сказать, что тогда в войсковых частях всеми делами, касавшимися рядовых солдат, занимались опытные писари канцелярий, на плечи которых ложился учет и распределение личного состава, обеспечение его всеми видами довольствия.

Прибыв в назначенное время в канцелярию полка, мы сдали необходимые документы старшему писарю, который обещал представить их полковому адъютанту. Когда же через несколько дней явились узнать о результатах, писарь нам объявил, что, поскольку у меня и Перелыгина нет необходимого общеобразовательного ценза, нам в приеме в школу прапорщиков отказано. Для поступления в нее нужно было иметь четырехклассное гимназическое образование. Неужели, думал я, окончание двух учебных заведений – двухклассного железнодорожного и трехклассного технического училищ, в которых я в общей сложности проучился восемь лет, – не дает право поступления в школу прапорщиков?

Мы с Перелыгиным получили предписание убыть в Армавир, в Кавказский запасной кавалерийский полк. Там нас зачислили во второй маршевый эскадрон и поспешно стали обучать верховой езде.

На протяжении нескольких месяцев под руководством корнета Тухарели мы довольно успешно одолели это искусство, и, кроме того, я попутно совсем неплохо сдал экзамены за четыре класса армавирской гимназии. К сожалению, мой друг Николай Перелыгин не смог осилить эту программу.

Меня снова направили в Тифлис. На этот раз я был зачислен юнкером в 1-ю Тифлисскую школу прапорщиков.

Надо сказать, что это произошло в феврале месяце 1917 года, ровно за две недели до весьма важного политического события – Февральской революции в России. Все народы Российского государства горячо встретили отречение русского царя от престола и с нетерпением ожидали наступления более решительных перемен в политической и социально-экономической жизни России. Лично я с большой радостью встретил падение царского режима, ставшего, как тогда говорили большевики, тюрьмой для всех народов России.

Срок обучения в школе был четыре месяца. В программу, кроме строевой подготовки и изучения основных уставов, были включены: тактика подразделений пехоты, огневая подготовка, военная топография, полевая фортификация, методика обучения отделения и взвода, стрельба из револьвера «наган» и владение шашкой в бою. Курсовым офицером у нас стал капитан Гришин, который только что прибыл в школу прапорщиков с фронта, имел за плечами хороший боевой опыт и за храбрость был отмечен несколькими орденами. Особенно хорошо Гришин знал тактику, был вежлив в обращении с юнкерами, всегда приходил на помощь отстающим в учебе.

Выпуск из школы состоялся в последних числах июля. После короткого отпуска я в августе был назначен младшим офицером одной из рот запасного пехотного полка, дислоцировавшегося в Елизаветполе.

В армии того периода бурно нарастали революционные настроения, солдаты активно выступали против продолжения войны, затеянной империалистами. Не желая оставаться под командованием реакционно настроенных царских генералов и офицеров и используя некоторые права, которые им предоставило, хотя и ненадолго, Временное правительство, они выбрали командиров из наиболее прогрессивной части офицерского состава. Откровенно говоря, я был очень удивлен, когда спустя неделю после моего появления в полку солдатское собрание по предложению ротного солдатского комитета избрало меня командиром роты.

Однако командование части не хотело признавать такой демократии: уже на следующий день меня включили в состав маршевой роты, состоявшей из армян, и направили всех на укомплектование 3-го армянского стрелкового полка, который сражался против турок в Иране, вблизи озера Урмия.

Вскоре после прибытия в этот полк солдаты 3-го батальона избрали меня, младшего офицера 8-й роты, в состав батальонного солдатского комитета.

На фронте в это время активные боевые действия не велись, шли бои местного значения, в которых пришлось мне принять участие в составе роты.

Между тем в России назревали новые грандиозные по масштабам и последствиям революционные события, развивавшиеся под руководством партии большевиков во главе с В.И. Лениным и завершившиеся установлением власти рабочих и крестьян.

Я упоминал уже кратко о Февральской революции. Это была буржуазно-демократическая революция, явившаяся закономерным завершением глубокого революционного кризиса русской самодержавной монархии. Решительная борьба рабочих и солдат уничтожила царизм и создала новые органы власти – Советы. Но во главе их встали меньшевики и эсеры, передавшие власть в руки буржуазного Временного правительства, которое сразу же стало проводить антинародную политику в угоду крупному капиталу. Временное правительство подтвердило все царские обязательства перед империалистами Антанты и 6 марта в своем обращении «К гражданам России!» объявило о продолжении войны до победного конца, скрывая ее грабительский характер, обманывая народ заверениями, будто речь идет о защите завоеваний революции, так называемом революционном оборончестве.

Широкие массы, прежде всего мелкобуржуазные элементы, вначале поверили в идею оборончества. Понадобилась большая самоотверженная и многогранная работа партии большевиков, чтобы показать массам действительную сущность предательской политики соглашателей. Эта работа большевиков под неослабным руководством В.И. Ленина увенчалась успехом. Добросовестно заблуждавшиеся оборонцы, поверившие первоначально меньшевикам и эсерам, поняли, что соглашательские партии, спекулируя на революционных настроениях масс, в действительности стремятся, не стесняясь в средствах, помочь буржуазии продолжать империалистическую войну, доведшую трудящихся до грани крайнего обнищания, а страну – экономической катастрофы.

Оказалось, что в таком важнейшем вопросе, как война и мир, министры-капиталисты продолжали политику царя вопреки интересам народа, требующего мира, измученного войной и бессмысленными жертвами.

Временное правительство во многом продолжало курс царизма также во внутренней политике. Земля осталась за помещиками, предприятия – в руках буржуазии, не был введен восьмичасовой рабочий день. Промышленность приходила в упадок – за два месяца было закрыто 120 предприятий. Сельское хозяйство не могло выйти из нужды: размеры посевных площадей резко сократились, катастрофически падала урожайность. Пришел в упадок и железнодорожный транспорт, не хватало топлива. Покупательная способность рубля с каждым днем

падала. В стране назревал голод, разруха. Решение земельного вопроса оттягивалось до созыва Учредительного собрания, а крестьянам грозили жестокими карами за захват помещичьих земель.

Не располагая силами для подавления революционного движения масс, Временное правительство стремилось посулами и обещаниями сдержать революционный порыв, выиграть время для подготовки сил на расправу с революцией. Таким образом, политика Временного правительства шла вразрез с требованиями и интересами большинства. Нужно было время, чтобы убедить трудящихся в необходимости покончить с диктатурой буржуазии; назрела объективная необходимость социалистической революции.

Под руководством партии большевиков пролетариат становился с каждым днем все сильнее, политически более зрелым. РСДРП(б), учитывая обстановку, объявила первый, буржуазно-демократический этап революции завершенным и поставила задачу подготовить и организовать пролетариат и народные массы ко второму, социалистическому этапу.

Сразу после Февральской революции большевики вышли из подполья. Рост рядов партии свидетельствовал о ее громадной популярности среди рабочих: в начале марта партия насчитывала 24 тысячи членов, к концу апреля – около 100 тысяч. Возобновился выпуск печатных органов – 5 марта вышел первый номер «Правды». Повсеместно под руководством большевиков создавались профессиональные союзы рабочих, возникали фабрично-заводские комитеты, организовывавшие борьбу с буржуазией и заводской администрацией за введение революционных преобразований. Партия боролась за большевистское руководство массовыми организациями.

3 апреля 1917 года В.И. Ленин вернулся в Петроград, где был горячо встречен рабочими, солдатами, матросами. 4 апреля он выступил на совещании большевиков с докладом «О задачах пролетариата в данной революции» («Апрельские тезисы»), в котором были намечены конкретные задачи подготовки пролетарской социалистической революции.

Своеобразие текущего момента в России, отмечал В.И. Ленин, заключается в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, ко второму этапу, который должен завершиться установлением власти пролетариата и беднейшего крестьянства. Определив стратегический план партии и новую расстановку классовых сил (союз пролетариата с беднейшим крестьянством, при нейтрализации середняка, в борьбе с буржуазией города и деревни), В.И. Ленин разработал тактику большевиков в условиях перерастания революции буржуазно-демократической в социалистическую и обосновал конкретные лозунги в отношении войны, Временного правительства, Советов.

В «Апрельских тезисах» был дан подробный анализ империалистического характера войны, продолжаемой Временным правительством, показан вред «революционного оборончества», предложен революционный выход из войны путем перехода власти к пролетариату, заключения демократического мира без аннексий и контрибуций.

В «Апрельских тезисах» была изложена программа партии в области экономической, аграрной, национальной политики, осуществление которой должно было предотвратить экономическую катастрофу, национализировать банки и промышленные монополии и осуществить первые шаги к социализму. Предполагалось конфисковать и национализировать все земли в стране, передать их в распоряжение Советов крестьянских и батрацких депутатов. Национальная программа провозглашала равноправие всех народов и право наций на самоопределение вплоть до государственного отделения.

Вооруженные четким планом подготовки социалистической революции большевики развернули революционную работу в массах. В апреле 1917 года произошло первое крупное выступление масс против политики Временного правительства по вопросу о войне, которое привело к кризису буржуазного правительства.

Вопреки требованиям народа кончить войну, министр иностранных дел Милюков 18 апреля отправил ноту союзникам с обязательством продолжать ее. Возмущению народа не было границ. Большевики разъясняли рабочим и солдатам, что надо требовать передачи всей власти Советам. 21 апреля под большевистскими лозунгами прошла сотысячная демонстрация петроградского пролетариата. Страна переживала острый политический кризис, который ясно показал, что Временное правительство не имеет опоры в массах.

Желая упрочить свое положение, Временное правительство заявило о желании включить в свой состав представителей Советов. Из правительства были выведены представители крупного капитала Милюков и Гучков. Министерские портфели получили представители мелкобуржуазных партий меньшевиков (Церетели, Скобелев) и эсеров (Чернов, Керенский).

Однако образование, в результате апрельского кризиса, коалиционного правительства не изменило положения дел в стране. Коалиционное правительство проводило ту же самую политику. Положение в России все более ухудшалось. В июне вновь закрылось 331 предприятие, рабочие остались без средств к существованию. 43 губернии были охвачены крестьянским движением. Крестьяне захватывали землю. Военная организация ЦК РСДРП(б) усилила революционную агитацию в армии. По всей стране летом 1917 года прошла волна стачек, крестьянских выступлений, солдатских протестов.

Трудящиеся массы постепенно убеждались в предательской политике правительства и соглашательских партий и переходили на сторону большевиков. Но в Советах еще преобладало меньшевистско-эсеровское влияние. Это сказалось на составе и решениях I Всероссийского съезда Советов, из 1090 делегатов которого только 105 были большевиками.

Съезд открылся 3 июня 1917 года. Большевики во главе с В.И. Лениным провели большую работу, используя трибуну съезда для разоблачения в глазах широких народных масс истинного смысла политики коалиционного правительства и эсеро-меньшевистских лидеров, выступили с требованием передачи всей власти Советам.

Решением эсеро-меньшевистского съезда Советов была запрещена намеченная ЦК большевистской партии на 10 июня демонстрация. Это, однако, не сдержало революционного порыва масс. Тогда меньшевики и эсеры решили провести демонстрацию 18 июня, которая по их плану должна была пройти под лозунгом доверия съезду и Временному правительству.

Одновременно Временное правительство решило начать наступление на фронте.

18 июня состоялась 500-тысячная демонстрация петроградского пролетариата. Большевики провели огромную агитационную работу, разъясняя массам антинародную сущность решений съезда и политики правительства. Демонстрация, вопреки планам соглашателей, прошла под большевистскими лозунгами и вылилась в поддержку требования большевиков о передаче всей полноты власти Советам. Наступление, предпринятое на фронте, полностью провалилось. Все это еще более революционизировало народные массы.

Неудачная попытка продолжения империалистической войны вызвала волну протеста среди солдат, которые стали открыто поддерживать большевистские лозунги о передаче власти Советам. 3 июля в Петрограде начались волнения в воинских частях, поддержанные рабочими ряда заводов. Рабочие и солдаты требовали свержения Временного правительства. Большевики провели большую организационную работу в массах, доказывая несвоевременность вооруженного выступления против правительства, эсеро-меньшевистская часть которого еще пользовалась поддержкой значительной части населения. Большевикам удалось удержать рабочих и солдат от вооруженного выступления. 4 июля состоялась мирная организованная демонстрация, в которой участвовало более 500 тысяч человек. Демонстранты выступили с требованием передачи всей власти Советам.

Правительство спешно стягивало с фронта воинские части, готовясь с согласия эсеро-меньшевистского Совета силой подавить мирное выступление пролетариата. Контрреволюцион-

онные части юнкеров и казаков, выполняя указание правительства, открыли огонь по участникам мирной демонстрации. Более 700 человек было убито и ранено.

Начался разгул реакции: были разгромлены большевистские типографии, начались аресты. Главный упор делался на уничтожение большевиков и передовых рабочих. Временное правительство отдало приказ об аресте В.И. Ленина, к розыскам которого эсеро-меньшевистские министры привлекли махровых контрреволюционеров. Революционные части разоружались, на фронте была введена смертная казнь.

События 3–5 июля явились закономерным итогом реакционной политики Временного правительства, которое всей своей деятельностью доказало, что буржуазия не собирается облегчить жизнь трудового народа, провести демократические преобразования, дать мир, землю, свободу трудящимся.

24 июля было образовано второе коалиционное правительство во главе с эсером Керенским.

Июльские события коренным образом изменили обстановку и соотношение классовых сил в стране. Меньшевики и эсеры окончательно перешли в лагерь контрреволюции, превратившись в прямых пособников буржуазии, а эсеро-меньшевистские Советы по существу превратились в придаток буржуазного правительства. Мирный этап развития социалистической революции завершился.

В связи с изменением политической обстановки партия большевиков перестроила свою тактику. Период мирного развития революции, а вместе с ним и возможность мирного перехода к власти Советов закончился. Для победы социалистической революции необходимо было вооруженное выступление. Конкретную программу действий большевиков в соответствии с ленинской программой, стратегией и тактикой разработал VI съезд РСДРП(б), который состоялся в Петрограде с 26 июля по 3 августа 1917 года. Съезд подтвердил ленинский вывод о возможности победы революции в одной стране и одобрил курс на социалистическую революцию.

Революционный кризис нарастал. Контрреволюция спешно принимала меры, направленные на ликвидацию демократических сил, установление военной диктатуры, что должно было привести к реставрации монархии.

Реакционные силы буржуазии и армии, кадетская партия и генералитет во главе с генералом Корниловым, поддержанные дипломатическими миссиями США, Англии, Франции, организовали военно-монархистский заговор.

Активное выступление революционного пролетариата сорвало замыслы буржуазии. 12 августа 400 тысяч московских рабочих по призыву большевиков объявили забастовку. Одновременно произошли выступления пролетариата в Петрограде, Киеве, Самаре, Харькове и других городах. В этой обстановке буржуазия не решилась открыто провозгласить свою диктатуру. 23 августа корниловские части двинулись на Петроград и Кронштадт. Корнилов потребовал отставки Временного правительства и передачи ему власти. Второе коалиционное правительство распалось. Начался третий кризис правительства.

Выступление Корнилова вызвало новый подъем революции. Организатором масс в борьбе с мятежниками явилась партия большевиков. По призыву ЦК в целом ряде крупных городов были созданы революционные комитеты и отряды Красной гвардии. Большевистские агитаторы разъясняли массам смысл заговора, проводили работу среди солдат. Красногвардейцы задерживали воинские части и эшелоны, блокируя подступы к Петрограду и Могилеву – главной ставке контрреволюционеров. На стороне большевиков выступали матросы Балтийского флота.

В короткий срок мятеж был подавлен. Солдаты, посланные на Петроград, отказались выступать. Главари заговора были арестованы.

После разгрома контрреволюции трудящиеся массы окончательно поняли, что единственной партией, отстаивавшей их интересы, является партия большевиков. Повсеместно

начинался процесс большевизации Советов, что вызвало оживление их деятельности и способствовало превращению их в великую революционную силу.

В этих условиях большевистская партия вновь выдвинула лозунг «Вся власть Советам!». После разгрома контрреволюционного мятежа этот лозунг нацеливал на свержение Временного правительства путем вооруженного восстания и установления диктатуры пролетариата.

Осенью 1917 года в России сложилась революционная ситуация, в наличии были все объективные признаки, предшествовавшие революции. Быстрыми темпами назревал общенациональный революционный кризис. Его признаками, по словам В.И. Ленина, являлось то, что большинство рабочих поняло необходимость переворота и готово было идти на смерть ради него, правящие классы переживали правительственный кризис, который втягивал в революцию самые отсталые массы, обессиливал правительство и делал возможным его быстрое свержение.

Хозяйственная разруха ощутимо ухудшила положение народных масс, экономика страны оказалась на грани полного развала. Промышленность и транспорт все больше приходили в упадок. Перевозки сократились более чем на одну треть, что вело к сокращению внутреннего рынка. Закрывались предприятия. В крупных промышленных центрах – Петрограде, Москве – рабочие получали по полфунта хлеба. Основные держатели хлеба – кулаки и помещики – резко взвинтили цены. Правительство не принимало решения по вопросу о земле, которая по-прежнему находилась в руках помещиков. Крестьяне явочным порядком захватывали землю, вспахивали ее. Это вызвало новую волну жестоких карательных операций против крестьян, в ответ на которые они громили и жгли помещичьи имения.

Массовое стачечное движение рабочих осенью 1917 года превращалось в вооруженную борьбу с буржуазией; руководили этой борьбой профсоюзы, возглавляемые большевиками.

Решительный перелом произошел в крестьянском движении. Отражением революционных настроений крестьян был «Примерный наказ» I Всероссийскому съезду крестьянских депутатов, содержавший требование отмены частной собственности на землю и распределения ее между трудящимися.

Росла борьба трудящихся национальных окраин. Революционное брожение охватило всю армию.

Контрреволюционные силы, боясь роста революционного движения масс, спешно принимали меры, направленные на предотвращение возможности выступления пролетариата. Создавались специальные «ударные батальоны» – отборные силы контрреволюции, которые стягивались в важнейшие промышленные центры страны. Буржуазия зашла так далеко, что готова была впустить немецкие войска в Петроград, где были сосредоточены главные силы пролетариата.

10 октября на заседании ЦК партии В.И. Ленин выступил с докладом о текущем моменте, в котором подчеркнул, что обстановка в стране вполне созрела для осуществления пролетарской революции. ЦК принял решение в ближайшее время провести вооруженное восстание в целях свержения буржуазного правительства и захвата власти пролетариатом. Для руководства проведением в жизнь этого решения из членов ЦК было образовано Политическое бюро во главе с В.И. Лениным.

По предложению вождя революции восстание началось за день до открытия II съезда Советов, ночью 24 октября (6 ноября). Разгромив юнкеров, отряды вооруженного пролетариата перешли в наступление на Временное правительство. В.И. Ленин лично руководил всем ходом вооруженного восстания в Петрограде. Точное выполнение ленинского плана позволило к утру 25 октября захватить важнейшие объекты и правительственные учреждения, арестовать Временное правительство и передать всю власть в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, о чем было объявлено в воззвании «К гражданам России!» в 10 часов утра 25 октября (7 ноября) 1917 года. В Петрограде установилась Советская власть.

Советскому государству были глубоко чужды цели империалистической войны. Первое в мире рабоче-крестьянское государство родилось с идеей мира. Первым его документом был Декрет о мире, написанный Лениным. Но международный империализм, объединившись, не пожалел ни сил, ни средств для того, чтобы задушить социалистическую революцию в России путем организации интервенции и всесторонней поддержки внутренней контрреволюции. По прямой вине США, Германии, Англии, Франции, Японии и их ставленников – белогвардейцев Россия была вовлечена в длительную кровопролитную гражданскую войну.

Весть о Великой Октябрьской социалистической революции в Петрограде была встречена трудящимися Закавказья с огромным энтузиазмом. Рабочие края выносили резолюции о поддержке Советской власти. Горячий отклик Октябрьская революция встретила и среди солдат Кавказского фронта. 10 ноября на собрании представителей 36 воинских частей Тифлисского гарнизона было избрано Делегатское собрание, которое стало постоянным выборным органом воинских частей гарнизона. К 17 ноября Делегатское собрание представляло уже 70 воинских частей гарнизона. Приветствуя победу Советской власти в Петрограде, Делегатское собрание потребовало проведения новых выборов военной секции Тифлисского Совета и солдатских комитетов в частях и созыва 2-го Кавказского краевого армейского съезда, назначило особую комиссию, которая взяла под контроль арсенал в Тифлисе, а также решило вооружить части и команды, не имевшие оружия.

Волна митингов и собраний солидарности прокатилась также и по всей Армении.

В ноябрьские дни 1917 года такие митинги прошли в Карсе, Караклисе, Александрополе, Джалал-оглы.

15 января 1918 года солдатами гарнизона был создан военнореволюционный комитет, который признал власть Советского правительства.

Я встретил первую радостную весть о победе Великой Октябрьской социалистической революции на фронте. Солдаты и отдельные близко стоявшие к ним по своим взглядам офицеры нашего полка, в том числе и я, искренне радовались победе социалистической революции и установлению в стране Советской власти. Они приветствовали это важнейшее политическое событие в жизни России и возлагали большие надежды на новый государственный строй во главе с партией большевиков.

Из газет, писем родных, а также по рассказам прибывших из тыла в полк солдат мы знали, что рабочие и крестьяне, как и широкие круги солдат на фронте, с большими надеждами ожидали прекращения ненавистной войны и установления долгожданного мира, наступления более благоприятных условий для коренного улучшения общественной жизни. Появлению и развитию этих настроений главным образом способствовала активная деятельность организаций партии большевиков во главе с Владимиром Ильичом Лениным.

Однако распространение пролетарской революции в Закавказье натолкнулось на ряд трудностей, обусловленных как социально-экономическими особенностями края, так и происками международного империализма. Говоря о внутренних причинах, тормозивших ход революционного процесса, я имею в виду экономическую отсталость Закавказья, немногочисленность и слабость промышленного пролетариата, исключая такие центры, как Баку, наличие феодальных пережитков, обострение национальных взаимоотношений, являвшихся следствием политики царизма, местной буржуазии и ее политических организаций, разнообразие национальных культур и быта народов Закавказья. Вместе с тем естественные богатства Кавказа, огромное экономическое и политико-стратегическое значение сделали его предметом самых алчных воцелений международного империализма. Захватив Закавказье, империалисты рассчитывали овладеть бакинской нефтью, создать кордон против проникновения революционных идей на Ближний Восток и использовать его военно-стратегическое положение для организации антисоветского фронта с юга. После Октября контрреволюция в Закавказье, уже давно собиравшая силы, начала яростную кампанию против Советской власти. Ненависть

к рабоче-крестьянскому правительству и страх перед пролетарской революцией сплотили в единый антисоветский блок буржуазию и помещиков, грузинских феодалов и азербайджанских беков, ханов, грузинских меньшевиков и эсеров, армянских дашнаков и азербайджанских мусаватистов.

Грузинские меньшевики, которые после Февральской революции выступали против национальной независимости угнетенных царизмом наций и защищали единство буржуазной России, сейчас, с установлением Советской власти, стали яростными сторонниками отделения Закавказья от Советской России.

24 ноября 1917 года контрреволюционный «Комитет общественной безопасности» созвал в Тифлисе совещание представителей буржуазных и соглашательских партий и краевых общественно-политических организаций и центров. На совещание было приглашено командование Кавказского фронта, а также английские и французские агенты, находившиеся при штабе Кавказской армии, и консул США. Совещание отказалось признать власть Совета Народных Комиссаров и вынесло решение об организации органов самостоятельной власти в Закавказье. 28 ноября было создано контрреволюционное правительство – так называемый Закавказский комиссариат во главе с меньшевиком Е. Гегечкори.

Образование Закавказского комиссариата было логическим следствием антисоветской деятельности соглашательских партий Закавказья и отвечало антисоветским планам внутренней контрреволюции и интервентов.

Аналогичные события произошли и в ряде других районов бывшей Российской империи. Так, 14 ноября контрреволюционная Центральная рада объявила себя высшей властью на Украине; 7 ноября Каледин объявил Донское правительство высшей властью на Дону; 14 декабря во Владикавказе было создано правительство во главе с атаманом Карауловым; 8 ноября Кубанская казачья рада и войсковой атаман Филимонов объявили раду верховной властью на Кубани; имели место контрреволюционные эксцессы и в других местах.

Накануне создания Закавказского комиссариата американский консул в Тифлисе Смит сообщал в Вашингтон: «В субботу я буду присутствовать на совещании по вопросу об организации Закавказского правительства, которое объединится с Южной федерацией и отвергнет перемирие или сепаратный мир. Необходимо оказать им финансовую помощь...»⁸

И действительно, Закавказский комиссариат, как известно, вскоре заключил соглашение с Калединым и Карауловым о совместной борьбе с революционными солдатами Кавказского фронта и с Советской властью. В конце ноября совещание стран Антанты решило всемерно поддерживать Закавказский комиссариат.

В феврале 1918 года Закавказский комиссариат созвал в Тифлисе так называемый Закавказский сейм с целью юридического оформления отторжения Закавказья от Советской России. Сейм состоял из депутатов, избранных от Армении, Азербайджана и Грузии в Учредительное собрание. Это были меньшевики, эсеры, дашнаки, мусаватисты и другие соглашатели. Большевики отказались участвовать в сейме и выразили протест против его созыва. 22 апреля этот лжепарламент санкционировал отделение Закавказья, провозгласив его «независимой федеративной республикой», и сформировал новый кабинет «правительства» во главе с А. Чхенкели. Федерация оказалась, однако, весьма недолговечной. Под давлением германо-турецких оккупантов, раздираемая противоречиями между националистическими партиями, она распалась на изолированные буржуазные республики – Азербайджан, Армению и Грузию.

В знак протеста против контрреволюционной политики незаконно появившегося Закавказского комиссариата уже в декабре 1917 года – значительно раньше, чем на других фронтах, начался массовый отход войск с Кавказского фронта. Трудящиеся Закавказья в лице большевистски настроенных солдат лишились могучего союзника в борьбе за Советскую власть.

⁸ История гражданской войны в СССР. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1957. С. 53.

А между тем к весне 1918 года благодаря самоотверженной борьбе большевистских организаций Закавказья, особенно революционных завоеваний Бакинской коммуны⁹ во главе с верным ленинцем С.Г. Шаумяном, весь этот край стоял на пороге полной победы Советской власти. Только вторжение турецких и германских войск, а затем английская интервенция спасли на некоторое время власть буржуазных националистов от гибели.

⁹ Бакинская коммуна – советская республика, существовавшая в Баку и в ряде других районов Восточного Закавказья весной и летом 1918 г.

Вторжение

Глубокой осенью 1917 года общее военное положение на Кавказском фронте стало быстро и резко ухудшаться. Правда, фронт имел в своем составе значительные силы¹⁰, но солдатские массы были охвачены непреклонным желанием покончить с войной и вернуться на родину, где разворачивались столь важные события; дисциплина и воинский порядок в частях, нередко по вине контрреволюционного офицерства, были серьезно нарушены, из-за чего все заметнее стала снижаться их былая высокая боеспособность.

Однако общее состояние войск противника на Кавказском фронте в сравнении с нашим было значительно хуже, так как голод, холод и различные эпидемии вызывали большие потери в их личном составе. Настоящим бичом турецкой армии стало массовое дезертирство аскеров. Такое же тяжелое положение, после серьезных поражений, сложилось в этот период и в войсках противника, действовавших в Месопотамии и на Сирийско-Палестинском фронте. Вражеское командование стремилось получить передышку, выиграть время для приведения своих войск в порядок, пополнения их людьми и вооружением.

В начале декабря 1917 года командующий 3-й турецкой армией Мехмед Вехиб-паша по указанию Энвер-паши обратился к главнокомандующему войсками Кавказского фронта генералу Пржевальскому с предложением о перемирии.

7 декабря 1917 года военные действия на Кавказском фронте были прекращены, а 18 декабря в городе Эрзинджане было подписано соглашение о перемирии, по которому стороны обязывались в случае возобновления боевых действий предупредить об этом друг друга за 14 дней. Весьма характерно, что уже во время этих переговоров Закавказский комиссариат рассматривался представителями Турции по существу как «законное правительство» Закавказья, независимое от Советской России. Этой вероломной игре, естественно, во многом способствовала предательская политика по отношению к Советской России так называемого правительства Закавказья, игравшего на руку турецким правителям.

Многочисленная по своему боевому составу, хорошо вооруженная, еще достаточно сильная русская армия, встретив к себе, как уже было сказано, враждебное отношение со стороны контрреволюционного правительства Закавказья, в декабре 1917 года начала массовый отход с Кавказского фронта. Измученные войной, русские солдаты рвались домой. Отходу с фронта в известной степени способствовало и только что заключенное соглашение о перемирии.

Фронт стал распадаться. Это обстоятельство было использовано турецкой военщиной. Энвер-паша, Талаат-паша и другие лидеры младотурок задались целью овладеть Закавказьем, подавить Бакинскую коммуну и стать хозяевами богатых нефтяных месторождений, а затем захватить и весь Кавказ. Предпринимая агрессию, Энвер и Талаат полагали, что ее успешное осуществление поможет им укрепить свое положение в стране, изрядно пошатнувшееся из-за серьезных поражений. Турецкие правители были уверены также, что эта захватническая акция станет преградой на пути распространения в Закавказье завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, влияния которой на свой народ они боялись как огня.

Отход русских войск Кавказского фронта поставил перед самозванными правительствами дашнаков, мусаватистов и меньшевиков труднейшую проблему: каким образом прикрыть этот громадный по протяженности фронт и не допустить вторжения турок в Закавказье? Пришлось в спешном порядке формировать армянский и грузинский армейские корпуса.

Формирование Отдельного армянского корпуса началось в конце декабря 1917 года. Предусматривалось, что в полном составе он будет иметь 17 тысяч штыков и 16 артиллерий-

¹⁰ Войска Кавказского фронта в этот период имели 190 батальонов, 98 000 штыков, 6600 сабель, 1200 пулеметов, 300 орудий всех калибров. Общая численность войск доходила до нескольких сот тысяч человек.

ских батарей, в него войдут 1-я и 2-я армянские стрелковые дивизии, отдельная кавалерийская бригада и ряд других специальных частей. Командование корпусом было возложено на генерал-лейтенанта Ф.И. Назарбекова.

Одновременно началось формирование Отдельного грузинского корпуса, который должен был иметь 12 тысяч штыков и 80 орудий. Командиром корпуса был назначен генерал В.Д. Габашвили.

Главкомандующим войсками Кавказской армии стал генерал-лейтенант Н.З. Одешелидзе.

На грузинский корпус возлагалась задача оборонять участок фронта от побережья Черного моря до Байбурта включительно, а также крепость Батум. Армянскому корпусу было приказано удерживать линию от Байбурта до государственной границы с Персией, в том числе крепости Эрзерум и Карс.

Прежде чем рассказать о том, как были сформированы 1-я и 2-я армянские стрелковые дивизии, хочу напомнить читателю об истории появления в составе русской армии на Кавказском фронте армянских регулярных частей, которые длительное время бок о бок с русскими самоотверженно сражались против турок.

Как я уже указывал, с началом военных действий на Кавказском фронте было сформировано шесть армянских добровольческих дружин. В 1916 году все эти дружины были расформированы и вместо них создано шесть отдельных армянских стрелковых батальонов. В середине 1917 года эти подразделения были развернуты в шесть отдельных армянских стрелковых полков двухбатальонного состава. Надо сказать, что все эти полки располагали опытными офицерскими кадрами и бывалым личным составом. Они были хорошо сколочены и вполне боеспособны.

В декабре 1917 года в спешном порядке были сформированы в Сарикамыше 7-й, а в Александрополе – 8-й армянские стрелковые полки. Этими частями соответственно командовали полковники Бей-Мамиконян и князь Аргутинский-Долгорукий. Эти восемь полков были обращены на формирование двух армянских стрелковых дивизий.

В 1-ю армянскую стрелковую дивизию генерал-майора Арешева были включены 1, 2, 3 и 4-й стрелковые полки. Дивизия формировалась в районе Александрополя и на территории Карсской области. В состав 2-й армянской стрелковой дивизии генерал-майора Силикова вошли 5, 6, 7 и 8-й стрелковые полки. Дивизия формировалась в районе Эривани. Следует указать, что 7-й и 8-й полки были почти изъяты из состава соединения и находились в резерве командира корпуса на карсском направлении. Их боеспособность в сравнении с другими частями была относительно низкой.

Дивизии имели по три-четыре батареи, сведенные в артиллерийские дивизионы. Артиллерийский дивизион 2-й армянской дивизии формировался в Тифлисе под командованием полковника Араратова, имел в своем составе четыре батареи и прибыл в Эривань в конце марта 1918 года.

Вновь сформированная Отдельная кавалерийская бригада корпуса под командованием полковника Корганова состояла из двух полков: 1-й армянский конный полк был сформирован в Тифлисе, 2-й – в селе Канакер вблизи Эривани на базе расформированного 2-го кавказского конного пограничного полка русской армии. После завершения формирования 2-й полк в марте 1918 года был переброшен в Сарикамыш.

1-м конным полком в период Сарикамышского сражения, о котором будет рассказано, командовал полковник Бек-Пирумун, а впоследствии – подполковник Мелик-Шахназаров. 2-й полк бесценно возглавлял полковник Залинов.

Бригада была неплохо укомплектована офицерскими кадрами и рядовым составом, прошедшим боевую службу в частях русской кавалерии, имела положенное вооружение, снаряже-

ние, неплохой конский состав. Кроме этих частей, в Тифлисе и Карсе спешно формировался 1-й Особый армянский конный полк под командованием войскового старшины Золотарева.

Для более эффективного использования западных армян в боевых действиях против турецкой армии из них была спешно сформирована Особая добровольческая дивизия генерала Андраника. Она не имела общепринятой организационной структуры. Основой дивизии были один стрелковый полк и несколько конных и пеших дружин.

В декабре 1917 года и январе 1918 года на территории Закавказья и в прифронтовой полосе были сформированы, преимущественно из западных армян, три пехотные бригады: 1-я (Эрзинджанский и Эрзерумский полки), 2-я (Караклиссский и Хнысский полки) и 3-я (Ванский и Макинский полки). Каждая бригада в лучшем случае имела одну-две приданные батареи. Все они имели большой некомплект в личном составе и вооружении, были недостаточно сколочены в боевом отношении. После завершения формирования эти соединения должны были войти в состав войск генерала Андраника, однако по ряду причин это осуществить не удалось.

Кроме перечисленных соединений и частей, несколько позже в Эриванском районе были созданы Партизанский и Игдырский пехотные, а также Партизанский конный полки. В Тифлисе формировался Зейтунский конный полк, переброшенный в марте 1918 года в Эривань.

Накануне вторжения турок в Закавказье перечисленные соединения и части армянских войск находились в следующей группировке:

особая добровольческая дивизия генерала Андраника и 1-я армянская пехотная бригада были выдвинуты к линии фронта, имея задачу удерживать крепость Эрзерум и прилегающий к ней район. В период эрзинджанских боев и Эрзерумского сражения командование 1-й бригадой осуществлял полковник Морель;

2-я армянская пехотная бригада полковника Осипова должна была прикрыть алашкерт-игдырское направление. С переходом турецких войск в наступление она вела бои в Алашкертской долине и была отброшена в район Кагызмана;

3-й армянской пехотной бригаде полковника Багдасарова была поставлена задача прикрыть ванское направление. Бригада формировалась в феврале 1918 года в Эривани и, поскольку ожидалось наступление турецких войск на Ван, в марте выступила через Игдырь и Баязет для усиления Ванского отряда. Но бригада дошла только до Баязета и под давлением турок была отброшена в Игдырь, где впоследствии принимала участие в прикрытии Сурмалинского уезда;

главные силы Отдельного армянского корпуса в составе 1-й армянской стрелковой дивизии генерала Арешева, 7-го и 8-го армянских стрелковых полков, Отдельной армянской кавалерийской бригады и нескольких добровольческих отрядов (хумбов), а также крепостные части Карса должны были прочно удерживать за собой центральный участок Кавказского фронта на сарикамышско-карском направлении с крепостью Карс;

2-я армянская стрелковая дивизия в составе 5-го, 6-го армянских стрелковых и приданных ей Партизанского и Игдырского пехотных, Зейтунского и Партизанского конных полков получила задачу оборонять участок Кавказского фронта на эриванском направлении.

Так выглядели армянские войска по своему боевому составу и группировке накануне вторжения турецкой армии в Армению. В отличие от некоторых историков я с полным основанием и глубоким убеждением считаю, что армянская армия в период трагического 1918 года была подлинно национальной армией.

Объединенным силам армян и грузин на Кавказском фронте противостояла 3-я турецкая армия, имевшая в своем составе свыше десяти пехотных дивизий, несколько отрядов курдской конницы и ряд иррегулярных формирований из турок и местного мусульманского населения. Несмотря на то что общая численность турецких войск была относительно невелика, они по своей боевой подготовке намного превосходили наши два национальных корпуса. К тому же

надо учесть и то обстоятельство, что наши главные силы к моменту перехода турецкой армии в наступление находились еще в стадии формирования и были дислоцированы в районах, значительно удаленных от назначенных им участков обороны.

Где и чем занимался я в этот крайне тревожный для нас период времени?

3-й армянский стрелковый полк, в рядах которого мне пришлось некоторое время сражаться против турок в районе озера Урмия, во второй половине ноября 1917 года по приказу штаба Кавказского фронта был выведен в резерв. Полк по железной дороге через Джульфу, Александрополь был переброшен в Караклис (ныне Кировакан). Потом подразделения сосредоточились в Дилижане. Вывод нашей части в резерв был вызван, как нам разъяснили, необходимостью дать возможность личному составу отдохнуть, привести себя в порядок, а также доукомплектовать подразделения людьми и вооружением до штатной потребности.

Вскоре после прибытия в Дилижан я был командирован в Тифлис для получения из окружного арсенала недостающего полку вооружения и боеприпасов. Возложенную на меня задачу, хотя и с большим трудом, я выполнил. Однако в свой полк мне не довелось возвратиться. Меня, как прошедшего конную подготовку в период пребывания солдатом в Кавказском запасном кавалерийском полку, штаб Кавказского фронта перевел младшим офицером во вновь формируемый 1-й Особый армянский конный полк.

Сдав полученное оружие и боеприпасы представителю 3-го армянского стрелкового полка, я прибыл к только что назначенному командиру полка войсковому старшине¹¹ Золотареву. После ознакомления с моим послужным списком и короткой беседы он сообщил мне порядок формирования подразделений и штаба полка. Я узнал, что штаб, один эскадрон и все подразделения обслуживания полка создаются в Тифлисе, а еще два эскадрона должны быть сформированы под общим командованием капитана Амирханяна в городе Карс, где имелись для этого необходимые людские ресурсы, вооружение, снаряжение и конский состав.

Приведение части в полную боевую готовность намечалось к началу марта 1918 года.

Войсковой старшина Золотарев произвел на меня хорошее впечатление, показался дельным и требовательным командиром; судя по многим офицерским наградам, украшавшим его грудь, он имел солидный боевой опыт.

Золотарев своим приказом назначил меня младшим офицером 1-го эскадрона, который формировался в Карсе. На следующий день я выехал туда. Закавказская железная дорога в тот период работала с большими перебоями, и мне пришлось преодолеть немало трудностей, чтобы добраться к месту назначения. Участок пути от Александрополя до Карса я проехал на открытой платформе товарного поезда. Стояли лютые январские морозы, обычные зимой в этом районе Армении. Я настолько сильно продрог, что, когда поезд прибыл на станцию Карс, не смог самостоятельно сойти с платформы на перрон.

Только в теплом номере гостиницы, куда меня довез извозчик, я согрелся, выпив большую чарку виноградной водки и стакан горячего чая. Измотанный вконец, я мгновенно заснул.

Капитан Амирханян, с которым я вскоре встретился, пользовался авторитетом у местных городских властей и среди военных кругов гарнизона. Это помогло ему относительно быстро укомплектовать личным составом и снабдить оружием и снаряжением формируемые эскадроны. Рядовой состав в большинстве своем представляли западные армяне, унтер-офицерские должности занимали прошедшие службу в коннице русские армяне. В каждом эскадроне было свыше ста всадников.

Ощущался большой некомплект офицеров: в эскадронах их было только по два – командир эскадрона и один офицер. Взводами командовали наиболее опытные унтер-офицеры.

Организация и сколачивание подразделений проводились очень напряженно. В крайне ограниченное время нужно было обучить западных армян понимать строевые команды, пода-

¹¹ Чин в казачьих войсках, соответствовавший армейскому званию «подполковник».

ваемые на русском языке, навыки быстро и четко выполнять команды как в конном, так и в пешем строю. Немало солдат, особенно из западных армян, требовалось обучить искусству верховой езды, владению холодным оружием, умению метко стрелять из винтовок.

В результате двухмесячной напряженной боевой учебы командиры эскадронов добились неплохих результатов в боевой выучке своих подразделений. В последних числах февраля боевое сколачивание обоих эскадронов было близко к завершению.

В течение декабря и января нового, 1918 года через Сарикамыш, Карс и Александрополь прошло множество воинских эшелонов, которые увозили огромную массу русских солдат с Кавказского фронта в Россию. Солдаты-фронтовики, не раз видавшие своими глазами все те бедствия, которые обрушивались в ходе войны на западных армян, понимали, какая угроза нависла над этим народом в связи с массовым отходом с фронта русской армии. Они хорошо знали, что турецкое командование воспользуется этим, чтобы предпринять наступление с целью захвата Закавказья, и над армянским народом будут совершены новые злодеяния. Солдатские комитеты частей и соединений, отражая настроения солдатских масс, довольно охотно передавали формируемым армянским национальным частям вооружение, снаряжение, лошадей, походные кухни, повозки и упряжь. Весь процесс эвакуации многочисленной русской армии через территорию Армении прошел без каких-либо серьезных происшествий, в обстановке дружбы и взаимного понимания.

Обратимся теперь к событиям, которые развернулись в начале февраля 1918 года на Кавказском фронте.

Турецкое командование воспользовалось перемирием, продолжавшимся более двух месяцев, и привело свои сильно потрепанные дивизии в боеспособное состояние для вторжения в Закавказье.

6 февраля в штаб 3-й турецкой армии поступило весьма важное сообщение о полном отходе русских войск со всего Кавказского фронта. Воспользовавшись этим обстоятельством, командование противника вероломно нарушило условия соглашения и 12 февраля внезапно развернуло крупными силами наступление по всему фронту. Из газетных сообщений в самых общих чертах мы узнали, что итогом боевых действий был захват 12 февраля Эрзинджана, а на следующий день и Байбурга. В дальнейшем, успешно развивая начатое наступление, турецкие войска к 24 февраля заняли на батумском направлении Трапезунд, а на эрзерумском – Мамахатун.

Работая над моими воспоминаниями, я из книги бывшего командира 1-го кавказского корпуса турок Кязым Карабекир-паши, изданной в 1939 году в Стамбуле, узнал, что на эрзинджан-эрзерумском направлении в феврале 1918 года наступало его соединение в составе трех дивизий, причем 36-я дивизия двигалась с запада непосредственно на Эрзинджан, 9-я обходила город с северо-запада, а 10-я находилась в резерве корпуса.

Каждая из турецких дивизий состояла из трех пехотных полков трехбатальонного состава с пулеметной ротой, кавалерийского эскадрона, горно-артиллерийского двухбатарейного дивизиона большой мощности и горно-артиллерийского дивизиона скорострельных орудий.

Корпусные части были представлены истребительным батальоном, санным батальоном с пулеметной ротой, горно-артиллерийским дивизионом скорострельных орудий. В корпусе к моменту наступления числился 1101 офицер, из них 755 боевых; 22 671 солдат, из них 14 182 боевых. Всего в соединении было 23 772 человека.

Оборону Эрзинджанского района вел отряд полковника Мореля; в отряде было три стрелковых батальона, одна конная сотня, одиннадцать пеших добровольческих сотен, пулеметная команда, одна полевая батарея и конно-горный артиллерийский взвод. Всего отряд имел 1800 штыков, 120 сабель, 6 пулеметов и 2 горных орудия. 90 процентов офицеров были из армян, остальные – русские.

Важно отметить, что, несмотря на превосходство в силах, 1-й кавказский корпус турок только в результате месячного наступления достиг района Эрзерума.

Неожиданно возникшие на фронте события, как и следовало ожидать, поставили «правителей» Закавказского сейма¹² в весьма затруднительное положение. К этому времени главные силы армянского и грузинского национальных корпусов находились еще вдали от линии фронта; не полностью сформированные, они не были в состоянии поддержать свои относительно слабые части прикрытия фронта, которые, вступив в борьбу против перешедших в наступление турок, оказались, по существу, предоставлены самим себе.

Конечно, о всех этих событиях, происшедших в феврале, я, будучи младшим офицером конного полка, ничего толком тогда не знал. До нас в Карс доходили только отрывочные сведения о боях, по которым нельзя было составить представление о действительном положении наших войск на фронте.

Здесь необходимо, думаю, сделать одну оговорку, чтобы потом, когда речь пойдет о событиях, происшедших в Закавказье в марте и в первой половине мая, у читателя было ясное представление о том, почему мы, молодые армянские патриоты, сражались в войсках, подчиненных пресловутому Закавказскому комиссариату. Дело в том, что в то время я, беспартийный и далекий от политики прапорщик, как и многие мои сверстники и сослуживцы, вообще очень мало знал об обстановке, сложившейся у нас в Закавказье и в Советской России. Но мы все были преисполнены решимости во что бы то ни стало, хотя бы ценой своей жизни спасти родную Армению от жестоких захватчиков, которые уже несколько столетий приносили нашему народу неслыханные бедствия и страдания, а ныне угрожали самому его существованию. Думаю, что эти мои чувства и стремления легко понять каждому человеку, вне зависимости от того, к какой нации он принадлежит.

Нам, например, далеко не сразу стало известно, что 3 марта 1918 года между Советской Россией и кайзеровской Германией был заключен Брест-Литовский мирный договор, по которому Советская республика вынуждена была выполнить ряд кабальных условий, навязанных ей силой. В частности, Россия уступала Турции округа Карса, Ардагана и Батума. Это была вынужденная мера Советского правительства, одобренная ЦК большевистской партии и лично В.И. Лениным. Молодой Советской республике нужно было выиграть время, получить передышку в войне, собраться с силами для дальнейшего отпора интервентам. Вспомним, что в связи с ноябрьской революцией в Германии, свергнувшей кайзера, Советское правительство немедленно аннулировало заключенный в марте договор.

Таким образом, патриотические силы Армении, тянувшиеся к Советской России и стремившиеся к единению с ней, с одной стороны, должны были, видимо, солидаризироваться с русскими братьями во всем, в том числе и в вынужденном выполнении условий Брест-Литовского договора. Но, с другой стороны, будучи недостаточно информированы о событиях, происходивших в мире, и руководствуясь своими национальными интересами защиты родной земли (я имею в виду и военачальников), продолжали оказывать сопротивление турецким войскам после 3 марта, то есть формально не признавали Брестского мира.

Все это было, конечно, связано и с противоречивой, непоследовательной линией Закавказского комиссариата, который, как мы потом увидим, хотя и заявил об отделении от Советской России, надеялся все-таки на ее помощь и, отдавая приказы войскам о сдаче городов без боя, как бы косвенно признавал условия Брест-Литовского договора, подписанного Советским правительством.

Формирование эскадронов в Карсе к началу марта было завершено. 9 марта капитан Амирханян получил приказание подготовить свой дивизион к выступлению на фронт, чтобы в районе Эрзерума поступить в распоряжение генерала Андраника.

¹² В феврале 1918 г. Закавказский комиссариат был преобразован в Закавказский сейм.

Весь следующий день мы готовились к походу. Дел было по горло. Надо было перековать часть лошадей, осмотреть и привести в надлежащее состояние седла и все конское снаряжение, проследить за укладкой в седельные сумки положенных в полевых условиях каждому всаднику предметов личного обихода и суточного запаса сухих продуктов. Особое внимание уделяли мы экипировке – состоянию обмундирования и обуви каждого солдата, вооружению и наличию положенного количества боевых патронов.

Хозяйственники эскадронов были заняты подготовкой к маршу походных кухонь, повозок, укладкой боеприпасов, продовольствия и фуража. К вечеру эскадроны были полностью готовы выступить на фронт.

Перед походом капитан Амирханян в самых общих чертах информировал командиров эскадронов и нас, младших офицеров, о боевой обстановке, сложившейся в последние дни на эрзерумском направлении. Нам стало известно, что наступавшие из района Эрзинджана турецкие войска оттеснили наш передовой отряд и вышли на ближние подступы к Эрзеруму. Нашему дивизиону поставлена задача как можно быстрее совершить марш по маршруту Карс – Сарикамыш – Караурган – Кеprüкей – Гасанкале, чтобы в районе Эрзерума присоединиться к частям дивизии Андраника.

Ранним утром 11 марта дивизион покинул Карс, который мы успели полюбить. Опоясанный крепостными воротами, он был суров и впечатляющ на фоне возвышавшегося над городом горного плато. За двухмесячное пребывание в крепости мы обрели среди гостеприимных жителей немало друзей, которые тепло провожали нас в это утро на фронт. Мне невольно вспомнилось, какую огромную роль играл этот город в Средние века в становлении и развитии армянского царства Гугарк.

На марше мой взвод, состоявший из 25 всадников, выполнял роль головной походной заставы дивизиона. Путь наш лежал через ряд армянских сел. Старики, женщины, юноши и девушки встречали нас тепло и душевно. Как правило, они засыпали нас вопросами о положении наших частей на фронте, все, как один, горячо желали нам боевых удач в сражениях с турками. На ночлегах и малых привалах жители стремились щедро попотчевать солдат и офицеров, принимали их как самых желанных и дорогих гостей. Такое же отношение мы встретили и в большом молоканском селе Ново-Селим, расположенном в 30 километрах к западу от Карса.

Когда мы маршем проходили по улицам Сарикамыша, я вспомнил, как русские войска в декабре 1914 года окружили и наголову разгромили 3-ю турецкую армию в так называемой Сарикамышской операции. Уйдя в воспоминания о прошлом, я невольно стал сравнивать давно пережитое с тем, что ожидает нас в ближайшем будущем. . . Резкую душевную боль вызывали эти раздумья, сознание того, насколько тревожным, если не сказать трагическим, стало положение армянского народа из-за предательской политики Закавказского комиссариата по отношению к Советской России. Ведь именно из-за этой политики армяне так быстро потеряли в лице русской армии своего верного и бескорыстного защитника от вековых врагов нашего народа.

Напутствуемые добрыми пожеланиями жителей сел и поселков Карсской области, мы продолжали свой марш к линии фронта, горя желанием принять участие в боевых действиях, чтобы защитить жизнь и кровные интересы своего народа.

К исходу второго дня дивизион, преодолев Саганлугский перевал, прибыл в Караурган – последний населенный пункт на границе 1914 года. За все время нашего движения мы не получали никакой информации об обстановке в районе Эрзерума. После ночлега утром 13 марта дивизион продолжал свой марш в сторону фронта. Мой взвод по-прежнему шел впереди, выполняя задачу головной походной заставы. Двигаясь по шоссе, мы без каких-либо происшествий подошли к нижним скатам небольшого горного хребта и стали подниматься на Зивинский перевал, где в 1914 году проходила граница между Россией и Турцией. Едва наша застава успела подняться на перевал, как мы увидели шедшую нам навстречу огромную массу бежен-

цев со своим скотом и домашним скарбом, погруженным на телеги. Вперемежку с беженцами по обе стороны шоссе уныло шагали разрозненные группы солдат, вооруженных винтовками. В этой толпе я вдруг заметил товарища по учебе в школе прапорщика Аршака Джанарешляна, который ехал с другими ранеными на санитарной двуколке. Он буквально на ходу сообщил мне, что 12 марта сильная группировка турецких войск заняла Эрзерум и что дивизия Андраника, прикрывая эвакуацию населения, отходит в направлении Сарикамыш. Далее он сказал, что, по дошедшим до него сведениям, части дивизии Андраника якобы сегодня отойдут в район крупного населенного пункта Хорасан, до которого от перевала около 20 верст.

Пожелав Аршаку быстрого выздоровления, я двинулся с походной заставой в Хорасан, чтобы к приходу дивизиона установить местонахождение генерала Андраника и его штаба.

Прошло много лет с той скорбной поры, но до сего времени хорошо помню, какое гнетущее впечатление произвели на меня весть о падении Эрзерума и тягостная картина неорганизованного отхода частей Андраника с центрального участка Кавказского фронта. В эти минуты я отчетливо понял всю глубину постигшего наш народ бедствия.

Через несколько часов наш дивизион прибыл в Хорасан и построился развернутым фронтом на площади вблизи от двухэтажного дома, где остановился Андраник. Капитан Амирханян предложил мне вместе с ним явиться к генералу и доложить о прибытии нашего дивизиона.

Увидев нас, генерал быстро поднялся с кровати и принял рапорт Амирханяна о прибытии дивизиона. Это был тот самый Андраник Озаян, который стал так популярен в народе, что армяне называли его по имени даже при упоминании его высокого звания. Он пожал нам руки и стал расспрашивать о состоянии дивизиона, его численности, настроении бойцов и, кажется, остался доволен нашими ответами. По выражению лица и голосу Андраника было, однако, видно, что он сильно расстроен неудачами на фронте.

...Нетрудно было понять, каким тяжелым, безысходным горем был он охвачен в эти минуты нашей встречи. На протяжении многих лет жизни Андраник не терял надежды увидеть свою родину – Западную Армению – освобожденной от черносотенного деспотизма Османской Турции, и для осуществления этой благородной цели он вел неустанно героическую борьбу. Теперь его постигла крупная, почти непоправимая неудача. Видя причину неудач прежде всего в бездеятельности партии Дашнакцутюн и в ее недалекновидной политике, генерал в самых резких выражениях начал при нас обличать руководителей этой партии. Он справедливо обвинял их в том, что вкупе с грузинскими меньшевиками и азербайджанскими мусаватистами они повели предательскую политику в отношении Советской России, что привело к поспешному уходу русской армии с фронта. В не менее резких выражениях, с горьким сарказмом говорил Андраник и о том, что люди, осмелившиеся называть себя поборниками общенациональных интересов армянского народа, оказались настолько беспомощны, что не смогли своевременно подкрепить силами и средствами части его малочисленной дивизии на эрзерумском направлении.

Затем генерал Андраник вместе с нами направился к месту построения дивизиона. Бойцы, невзирая на драматически складывавшуюся обстановку, встретили его очень приветливо. Дивизион, видимо, произвел на Андраника хорошее впечатление – его суровое обветренное лицо на какое-то мгновение озарилось радостной улыбкой, которая почти тут же погасла, и последовал повелительный, четкий приказ:

– Дивизиону форсированным маршем выдвинуться к Кепрюкею и установить наблюдение за подходом к городу турецких частей со стороны Эрзерума. Основная задача дивизиона – не допустить до исхода четырнадцатого марта выдвижения передовых турецких частей от Кепрюкея в направлении Хорасана...

При этом Андраник предупредил командира дивизиона, что на маршруте движения мы встретим, вероятно ночью, конный отряд под командованием полковника Торгома, который в качестве арьергарда прикрывает отход частей его дивизии. Пожелав нам успешного выполне-

ния задачи, генерал направился в свой штаб, который, если мне не изменяет память, возглавлял полковник генерального штаба Зинкевич.

Эта встреча с Андраником была единственной в моей жизни, и она произвела на меня глубокое впечатление.

Широчайшие слои армян сохранили об Андранике неопровержимое, твердое мнение, что он действительно посвятил всю свою жизнь самоотверженной, полной героизма борьбе за освобождение родной Западной Армении от многовекового деспотизма реакционных, отравленных ядом шовинизма и религиозной нетерпимости правящих кругов Османской Турции. Эта священная борьба, собственно говоря, и стала его основным политическим кредо.

Таким его знало несколько поколений армян, и таким он остался в памяти народной.

Должен подчеркнуть, что, несмотря на глубокую преданность Андраника идеям национально-освободительного движения, беспримерный героизм, проявленный им в борьбе за светлое будущее своего народа, нельзя думать, что он полностью был гарантирован от свершения некоторых промахов политического порядка в своей прогрессивной в целом деятельности.

В Хорасане от участников Эрзерумского сражения мы узнали, что упорные бои за Эрзерумский укрепленный район начались в последних числах февраля и продолжались свыше двух недель. Армянские войска, оборонявшие Эрзерум, к тому времени состояли из Добровольческой дивизии генерала Андраника и 1-й армянской пехотной бригады полковника Мореля, имевших в своем боевом составе всего около 3500 солдат и 8 артиллерийских орудий. Хотя крепостные форты имели до 400 орудий, из них только около двадцати были исправны. Турецкие войска, наступавшие на Эрзерум, имели более чем тройное превосходство в силах над армянскими частями, положение которых осложнилось и вооруженным выступлением местного населения Эрзерума против них.

Наш дивизион приступил к выполнению поставленной задачи. Взвод, которым я командовал, двинулся в направлении Кеprüкея, теперь уже в роли разъезда. Не успели мы пройти и десяти верст, как наступила темная южная ночь. Двигались мы переменным аллюром и часто спешили, ведя усталых коней на поводу.

Глубокой ночью наш разъезд встретился с конным отрядом полковника Торгома, численностью в несколько сот всадников. Я впервые познакомился с этим замечательным офицером, прошедшим свою военную службу то ли в греческой, то ли во французской армии. Он, по рассказам хорошо знавших его офицеров, отличался бесстрашием в бою, был большим патриотом своего народа, отдал много сил борьбе за его свободу.

Полковник Торгом сообщил мне последние сведения о противнике, которыми располагал, находясь почти все время в боевом соприкосновении с турецкими частями. Он считал, что в наступлении на Эрзерум участвовало не менее двух пехотных дивизий, усиленных полуторатысячным отрядом курдской конницы.

– После овладения Эрзерумом, – сказал полковник, – главные силы турок, по данным разведки, продолжают еще оставаться в городе... Вероятно, отдыхают и приводят себя в порядок...

Передовой отряд турок силой в кавалерийский полк с одной батареей горных артиллерийских орудий, начиная с Эрзерума, все время следовал, по словам полковника, за его конным отрядом и безуспешно пытался атаковать отряд на марше. Боевое соприкосновение с конницей турок Торгом потерял в районе Гасанкалы. Он был уверен, что с выходом в район Кеprüкея наш разъезд может встретиться с небольшими по составу подразделениями турецкой конницы. Распрощавшись с нами, полковник со своим отрядом двинулся в Хорасан, а мы продолжали движение на Кеprüкей.

Не встретив противника, разъезд в ночь на 14 марта достиг узла дорог восточнее этого маленького города и установил здесь наблюдение за населенным пунктом и всеми подходами к нему, как этого требовал от нас генерал Андраник. Вскоре подошли и оба наших эскадрона.

Хорошо помню, что весь район Кепрюкея и сам городок выглядели абсолютно безлюдными, там мы не встретили ни единой живой души.

По решению капитана Амирханяна наш эскадрон занял для обороны выгодную позицию на высоте, расположенной восточнее Кепрюкея. Этот довольно высокий холм возвышался над окружающей местностью, с него открывался хороший обзор и удобно было вести огонь в сторону противника. Другой эскадрон расположился за противоположными скатами этой высоты, сохраняя готовность к боевым действиям в конном строю.

К утру 14 марта к Кепрюкею со стороны Гасанкалы подошло с мерами охранения около 150 турецких всадников. Турки попытались с ходу сбить нас с занимаемой позиции, но, попав под довольно сильный огонь спешенного эскадрона и не выдержав атак и другого эскадрона в конном строю, они попятились к Кепрюкею и, укрывшись за домами, открыли беспорядочный огонь. В этой стычке противник потерял до десятка человек только убитыми.

До вечера 14 марта наш конный дивизион продолжал удерживать занятую позицию, а затем без каких-либо препятствий со стороны турок начал отход в район Хорасана.

С прибытием в Хорасан нам стало известно, что генерал Озанян с главными силами своей Добровольческой дивизии направился в Сарикамыш, где к этому времени заканчивали сосредоточение 1-я армянская стрелковая дивизия генерала Арешева и другие части Отдельного армянского корпуса. Наш конный дивизион поступил в распоряжение полковника Торгома, которому Андраник приказал оборонять Зивинский перевал до подхода в Караурган передовых частей дивизии Арешева.

К исходу 15 марта мы сосредоточились в Караургане, составляя резерв полковника Торгома; оборона перевала была возложена на небольшие подразделения пехоты.

После сдачи обороны Караурганского района наш дивизион на рассвете 19 марта двинулся в район Сарикамыш, где кроме полков дивизии Арешева мы застали Отдельную кавалерийскую бригаду и несколько артиллерийских батарей. Нас информировали, что генерал-лейтенант Назарбеков был намерен встретить турецкие войска на Соганлугском перевале и здесь преградить им путь на Карсскую область. На этом центральном участке фронта в войсках царило некоторое оживление. Многие были уверены, что в оборонительных боях удастся удержать Соганлугский перевал и не допустить выхода турок к Карсу.

По решению командира корпуса Особая добровольческая дивизия генерала Андраника, отошедшая в район Сарикамыш, была выведена в резерв и направлена в район Александрополя для приведения себя в порядок. Наш 1-й Особый армянский конный полк, перейдя в непосредственное подчинение командира корпуса, собрался своими эскадронами и полковыми командами в районе Ново-Селима, где несколько позже вошел в состав Ново-селимского отряда, возглавляемого полковником Морелем.

После отхода дивизии Андраника из Эрзерума и выхода турецких войск к государственной границе 1914 года общая оперативная обстановка на Кавказском фронте выглядела так.

Ввиду того что одновременно с наступлением на Сарикамыш турки вели активные боевые действия и на других участках Кавказского фронта, наши войска вынуждены были вести оборону Сарикамыш-Карсского района, одновременно защищая батумское, ольтинское и эриванское направления. Фронт обороны от Батума до Ольты был возложен на грузин, а далее до Нахичевани – на армян.

Для обороны Сарикамыш армянский корпус располагал несшим в нем караульную службу 7-м армянским стрелковым полком, частями Эрзерумского и Хнысского отрядов, отошедшими с фронта и выдвинутыми из тыла частями 1-й армянской стрелковой дивизии генерала А. Арешева, Отдельной армянской кавбригадой, тремя артиллерийскими батареями и несколькими добровольческими конными отрядами. Из этих частей штаб корпуса сформировал несколько отрядов, прежде всего Сарикамышский – в составе 1-й армянской стрелковой дивизии (1, 2, 4 и 7-й стрелковые полки) генерала Арешева, Отдельной кавалерийской бри-

гады, двух артиллерийских батарей и трех конных добровольческих отрядов (хумбов), которые в общей сложности имели около 3000 штыков, 600 всадников, 16 пулеметов и 12 орудий. На него была возложена задача, развернув свои силы на фронте Бардус – Караурган – Каракурт, упорно оборонять Сарикамыш и не допустить прорыва противника в направлении Карса.

Кагызманскому отряду (это была 2-я армянская пехотная бригада полковника Осипова, которая имела в своих рядах около 500 штыков и 4 пулемета) было приказано удерживать город Кагызман и не допустить прорыва противника с юга в сторону Карса.

Новоселимский отряд в составе 1-й армянской пехотной бригады полковника Мореля, 1-го Особого армянского конного полка и одной артиллерийской батареи, которые имели до 1250 штыков, 300 всадников, 14 пулеметов и 4 горных орудия, должен был прикрыть правый фланг и тыл Сарикамышского отряда от возможных ударов с северо-запада.

Не успел наш полк сосредоточиться в Ново-Селиме, как в адрес командира – войскового старшины Золотарева поступило из штаба корпуса приказание срочно выдвинуть один из эскадронов полка в греческое село Тойгун, расположенное в 20 километрах к северу от Ново-Селима.

Выбор пал на наш эскадрон, которым командовал поручик Григорян, уроженец Караклиса, обладавший уже солидным боевым опытом, приобретенным на Западном фронте в боях против германских войск.

С прибытием в село Тойгун эскадрон получил задачу держать под своим наблюдением Кызыл-Гядукский перевал, куда могли подойти из района Мерденика крупные отряды турецкой конницы с тем, чтобы выйти в дальнейшем во фланг и тыл Сарикамышской группировки наших войск. Этот перевал был седловиной довольно высокого горного хребта, нависшего с севера над Карсской низменностью. Общая высота хребта превышала 3000 метров. Перевал был еще покрыт глубоким снегом, крайне затруднявшим переход частей, особенно с колесным транспортом.

Жители села, опасаясь нашествия турок, эвакуировались вглубь Карсской области. На месте было оставлено для наблюдения за домами несколько взрослых мужчин, с которыми у нас сразу же установились дружественные отношения. Турки относились к греческому населению так же враждебно, как и к армянам.

В конце марта у Сарикамышы начались упорные бои с соединениями 1-го армейского корпуса турок, пытавшимися прорваться к Карсу. О ходе боев мы плохо были информированы, больше пользовались доходящими до нас случайными слухами, на основе которых делали различные догадки. Но помню, что офицеры и старшие унтер-офицеры нашего эскадрона не раз обсуждали сложившуюся в районе Сарикамышы военную обстановку и нередко приходили к мысли, что очень трудно будет малочисленным армянским частям отразить наступление превосходившего их в силе и боевом опыте врага.

Все мы очень сожалели, что наш полнокровный эскадрон не может принять активного участия в развернувшихся под Сарикамышем жарких боях, однако ни на минуту не забывали, что на нас тоже возложена довольно важная задача – не допустить внезапного прохода через Кызыл-Гядукский перевал крупного отряда конницы противника во фланг и тыл Сарикамышской группировки наших войск, который мог бы еще больше усложнить и без того тяжелую обстановку на этом центральном участке фронта.

Хочу рассказать, как командир эскадрона поручик Григорян организовал выполнение возложенной на нас боевой задачи. Эскадрон по его решению в течение двух-трех дней подготовил к обороне село Тойгун, а также примыкавшую к нему с востока очень важную высоту. Этот греческий населенный пункт с высотой был расположен на перекрестке пяти проселочных дорог и как бы запирал собой выход противника со стороны перевала в Карсскую низменность. Один из четырех взводов эскадрона поочередно находился в полной боевой готовности. В сторону перевала на расстоянии двух верст от села был выдвинут усиленный караул.

При угрозе нападения на село эскадрон должен был по тревоге привести себя в полную боеготовность и действовать в соответствии со сложившейся обстановкой.

Поскольку Кызыл-Гядукский перевал и подходы к нему были покрыты глубоким снегом и к тому же сам перевал находился от занимаемого эскадрона села в 10 верстах, командир эскадрона решил наблюдение за перевалом осуществлять периодически выдвигаемыми к нему боевыми разъездами в составе 8—10 всадников.

Мне дважды пришлось во главе разъезда подниматься на перевал. В первый раз мы взяли с собой проводником грека, местного учителя по имени Атанас. Он отлично знал наиболее удобные пути выхода на перевал и оказал разъезду большую помощь в успешном выполнении возложенной на него боевой задачи. По мере нашего продвижения к цели снежный покров становился все глубже. Не дойдя до перевала версты две, мы вынуждены были спешиться и дальше взбираться на перевал, преодолевая глубокие сугробы, которые наши кони, утопая в снегу по брюхо, не могли осилить.

Перед выходом на гребень я развернул своих бойцов в цепь. Неожиданно мы вышли вплотную к гребню перевала и увидели неподалеку 15–20 человек турецких аскеров, беспечно сидевших вокруг костра. Это, вероятно, была сторожевая застава турок, выставленная для наблюдения за перевалом. Я подал команду, и солдаты открыли по аскерам огонь из винтовок.

Потеряв трех человек убитыми и нескольких ранеными, турки бросились в панике за обратный скат перевала.

Пока мы поднялись на гребень перевала, они скрылись за складками местности. Захватив небольшие трофеи – винтовки турецкого образца, патроны к ним, мы вскоре благополучно вернулись к нашим коням и потом в конном строю и с песнями прибыли в расположение эскадрона.

Поручик Григорян похвалил бойцов разъезда за отличное выполнение боевого задания и немедленно отправил донесение в Ново-Селим командиру нашего полка, в котором описал удачное столкновение разъезда с противником и подробно обрисовал перевал и подходы к нему.

Ровно через неделю я вторично провел боевой разъезд на Кызыл-Гядукский перевал, но на этот раз без нашего замечательного проводника Атанаса. Тем же порядком, с теми же трудностями, которые были при первом восхождении на перевал, мы незаметно поднялись на его гребень. На этот раз никого здесь не было. Я подумал, что турки, вероятно, оставили перевал без постоянной охраны. Но каково было наше удивление, когда, выдвинувшись со всеми мерами предосторожности за гребень, мы неожиданно увидели на косогоре, примерно в двухстах шагах, около двадцати вооруженных всадников, двигавшихся к перевалу по вытоптанной горной тропе цепочкой, друг за другом. Как и в прошлый раз, я дал команду стрелять. Турки, потеряв несколько человек убитыми, обратились в бегство и скрылись за гребнем ската. Преследовать противника в этой обстановке не имело смысла. Мы ограничились тем, что бросили вслед группе аскеров несколько ручных гранат, гулкые взрывы от которых раскатисто разнеслись по горам.

И опять мы не без гордости предстали перед нашим боевым эскадронным командиром поручиком Григоряном. И снова в Ново-Селим пошло донесение об удачных действиях нашего разъезда.

Главные боевые действия на фронте шли в районе Сарикамыш, от их исхода зависело дальнейшее развитие событий на карсском направлении. Почти две недели продолжалась битва за Сарикамыш. После упорных боев 5 апреля 1918 года турки, несмотря на большие потери, заняли этот приграничный город, а 7 апреля – и Ардаган. Линия Кавказского фронта на участке, обороняемом армянскими войсками, в эти дни проходила несколько восточнее Ардагана, Сарикамыш и южнее Караклиса. На участке обороны грузинских войск 13 апреля пал Батум и его крепостной район.

Весьма знаменательно, что, получив эти сведения, Советское правительство незамедлительно заявило решительный протест Германии. 13 апреля Г.В. Чичерин и Л.М. Карахан в телеграмме на имя германского посла в Тифлисе писали:

«Турецкая армия продвигается к Батуму, Карсу, Ардагану, разоряя и уничтожая крестьянское население. Ответственность за дальнейшую судьбу армян ложится на Германию, ибо по ее настоянию были выведены русские войска из армянских областей, и ныне от нее зависит сдержать турецкие войска от обычных эксцессов»¹³.

После овладения Сарикамышем 1-й турецкий армейский корпус продолжал с боями продвигаться в карсском направлении. Намного уступая туркам в численности войск, особенно в артиллерии, части 1-й армянской стрелковой дивизии и Отдельной кавбригады, упорно сопротивляясь, медленно отходили в направлении Карса. Вторжение турецких войск вглубь территории Армении и Грузии продолжалось и на других направлениях.

Запретив контрреволюционному «правительству» Закавказья, поняв наконец, к каким тяжелым последствиям привела их предательская политика, забили тревогу. Лидеры Закавказского сейма вспомнили о существовании Советской России. Так называемая «закавказская социал-демократия» в лице грузинских меньшевиков, игнорируя Советское правительство, 14 апреля обратилась непосредственно к рабочим, крестьянам и солдатам России с просьбой «в час смертельной опасности» оказать помощь хлебом, оружием и людьми¹⁴.

Но Советская Россия сама в это время переживала неимоверные трудности в борьбе против внутренней контрреволюции и оккупировавших значительную часть ее территории войск кайзеровской Германии и при всем своем желании не имела никакой реальной возможности протянуть руку помощи трудящимся Закавказья.

Однако вернемся к боевым действиям войск на фронте. Пользуясь превосходством в силах, турецкая армия продолжала вторжение вглубь территории Армении и Грузии на всех основных направлениях Кавказского фронта.

Примерно к 20-м числам апреля части 1-го армейского корпуса турок, наступая на широком фронте вдоль шоссе на Карс, попытались с ходу атаковать и взять крупный населенный пункт Беглиахмет.

Наш эскадрон по-прежнему удерживал село Тойгун, продолжая наблюдение за Кызыл-Гядукским перевалом. Командир эскадрона поручик Григорян, к сожалению, в это тревожное время тяжело заболел, и мы вынуждены были эвакуировать его в Карсский крепостной госпиталь. По приказанию Григоряна я вступил в командование эскадронам.

Поскольку линия фронта стала приближаться к району дислокации нашего эскадрона, мы вынуждены были боевыми разъездами регулярно «прощупывать» местность к юго-западу и югу от села Тойгун, чтобы предотвратить внезапное нападение на нас турок. Разъезд под командованием одного из унтер-офицеров эскадрона обнаружил на рассвете 20 апреля выдвижение с юго-запада в направлении занимаемого нами села турецкого отряда силой до пехотного батальона. Получив об этом донесение начальника разъезда, я немедленно поднял эскадрон по тревоге, и он занял господствующую над окружающей местностью важную высоту, которая располагалась у окраины Тойгуна. Расположив здесь на заранее подготовленной позиции свой эскадрон, я надеялся, что мы сумеем преградить турецкому отряду путь к внешнему оборонительному обводу Карса, непосредственно прикрывавшему крепостной район и сам город с запада.

Было раннее утро, когда на проселочной дороге, тянувшейся к Тойгуну, с юго-запада показался турецкий отряд силой около пехотного батальона. Впереди, на версту ближе, двига-

¹³ Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис: Издание правительства Грузинской республики, 1919. С. 192.

¹⁴ Материалы стратегической разведки РСФСР. Грузия, данные о вооруженных силах и краткий обзор политико-экономического и международного положения (по состоянию на 1 января 1921 г.). М., 1921. С. 187.

лось подразделение численностью до взвода пехоты, являвшееся, видимо, головной походной заставой. Голова вражеской колонны была в 4–5 верстах от нашей позиции. Солдаты эскадрона, получив соответствующий приказ, хорошо замаскировались.

Мне нужно было принять наиболее разумное решение на организацию боя. Было ясно, что турецкий батальон по количественному составу и огневой силе в 3–4 раза превосходит наш эскадрон. Однако на нашей стороне были другие существенные преимущества, умело используя которые можно было бы нанести противнику ощутимый урон и в какой-то степени добиться равновесия в борьбе. Во-первых, мы занимали очень выгодную позицию на господствующей высоте с хорошим обзором и обстрелом, что ставило турецкий отряд в невыгодное положение как при подходе к этой высоте, так и при развертывании для боя. Мы рассчитывали далее, что противник, ничего не подозревавший, благодаря нашей хорошей маскировке подойдет к нам на очень близкое расстояние. Значит, внезапным ружейным огнем мы сможем нанести ему большой урон. И наконец, наш эскадрон намного превосходил пехотный батальон турок в подвижности и маневре, что позволяло нам в случае необходимости быстро оторваться от противника и, отойдя на новый рубеж, вновь встретить его огнем.

Походная застава противника, как я и предполагал, не обнаружив ничего тревожного, продолжала свое движение на Тойгун и вот-вот должна была войти в зону эффективного винтовочного огня двух наших правифланговых взводов. Как только она вступила на этот участок проселочной дороги, взводы по команде дали по ней несколько залпов. Стрельба была меткой, и походная застава потеряла более половины своего состава. Уцелевшие аскеры в страхе бросились бежать назад.

Ошеломленный на некоторое время противник вскоре, однако, развернулся в боевой порядок и перешел в атаку на занимаемую нами высоту. Поскольку турки шли в лобовую, мы довольно легко прицельной стрельбой из винтовок заставили их сначала залечь, а потом и ретироваться. Повторные попытки отряда бросками с фронта захватить нашу позицию ни к чему не привели. Турки вынуждены были прекратить атаку и начали окапываться на достигнутом рубеже. Через некоторое время они, пользуясь складками местности, начали обходить обороняемую эскадронами высоту с обоих флангов. Как только мы разгадали этот маневр противника, я, чтобы избежать резкого ухудшения нашего положения, приказал вахмистру подать коней и без промедления повел эскадрон на восток, в сторону Карса. Мы оторвались от противника на галопе, а когда вышли из зоны его огня, перешли на спокойный шаг, чтобы не переутомлять лошадей. Отходили мы вдоль дороги от Тойгуна на Гарам-Вартан. Дойдя до русла реки Чаликара, эскадрон занял на ее восточном берегу выгодный для обороны рубеж с целью вновь преградить путь турецкому отряду, настойчиво продолжавшему попытки пробиться на восток, к внешнему обводу обороны Карсской крепости.

Ранним утром следующего дня с юга до нас отчетливо докатился гул артиллерийской канонады, который медленно перемещался к северо-востоку от Беглиахмета в направлении Карса. Для установления связи с ближайшей к нам войсковой частью и согласования с ней своих действий я выслал два небольших разъезда. Во второй половине дня один из них возвратился, и из доклада начальника разъезда стало известно, что левее от нас под давлением турецких войск, несколько дней тому назад овладевших крупным населенным пунктом Беглиахметом, части дивизии генерала Арешева медленно с боями отходят в направлении Карса. Нетрудно было понять, что в ближайшие дни развернутся жестокие схватки за Карсский крепостной район.

К исходу 23 апреля 1-я армянская стрелковая дивизия, Отдельная кавалерийская бригада и другие части корпуса Назарбекова под прикрытием сильных арьергардных частей отошли и организованно заняли довольно хорошо подготовленную в инженерном отношении оборонительную позицию на подступах к Карсскому крепостному району с запада. Чтобы прикрыть от

противника подходы к крепости с северо-запада, со стороны Мерденека и Джелауса, штаб корпуса своевременно выдвинул из Александрополя к северу от Карса 8-й армянский стрелковый полк. Непосредственная оборона Карсской крепости была возложена на крепостные части и 3-й армянский стрелковый полк.

Главные силы корпуса были готовы во взаимодействии с мощными фортами крепости дать решительный отпор наступающим с запада турецким войскам и не допустить, чтобы они овладели этим чрезвычайно важным для всей обороны на центральном участке Кавказского фронта оперативно-стратегическим объектом.

Судя по рассказам сведущих офицеров, в эти грозные для нашего народа дни настроение солдат и офицеров армянских частей было довольно бодрым. Они были убеждены, что нашим войскам удастся отразить наступление турок и удержать за собой город и крепость.

Однако вернемся к действиям нашего 1-го эскадрона. Утром 23 апреля подразделение под моим командованием, получив боевое распоряжение, отошло в Карс, где присоединилось к своему конному полку, сосредоточившемуся в это время на южной окраине города.

Поскольку эскадрон я возглавлял временно, в командование им вступил недавно пришедший в полк штаб-ротмистр Реутов. Это был очень опытный кавалерийский офицер русской армии, изъявивший желание служить в армянских войсках.

Сдав командование эскадронам, я решил с позволения Реутова повидаться с моим старшим братом Абгаром, который служил военным фельдшером в рядах 3-го армянского стрелкового полка. Его часть располагалась в крепости. Без особого труда я нашел брата. Встреча наша после долгой разлуки доставила нам обоим большую радость. После взаимных расспросов о фронтовых делах и обмена имевшимися у нас последними сведениями о нашей семье мы с Абгаром крепко обнялись и расстались с надеждой вскоре встретиться вновь.

Когда я вернулся в свой полк, то, к моему огорчению, узнал о двух крайне неприятных для нас событиях, которые, как мы понимали, ставили под угрозу не только положение армянских войск под Карсом, но и безопасность народов Закавказья вообще.

Во-первых, контрреволюционное правительство Закавказья приняло турецкий ультиматум и 22 апреля объявило о независимости от Советской России вновь созданной Закавказской Федеративной Демократической Республики (ЗФДР), обеспечив этим турецким интервентам «юридическое основание» для осуществления их основной цели – оккупации всей территории Закавказья, не считаясь при этом с законным правительством Советской России.

Во-вторых, председатель правительства ЗФДР А. Чхенкели приказал командиру армянского корпуса генерал-лейтенанту Назарбекову сдать турецким войскам город и крепость Карс без боя. Назарбеков при этом категорически заявил, что его войска имеют реальную возможность отразить наступление турок и не менее месяца прочно удерживать за собой Карсский крепостной район. Возражение командира корпуса было отвергнуто. Меншевицкая клика Чхенкели вовсе не намеревалась дать отпор турецким интервентам, поскольку она считала своим главным врагом не турок, а революционных рабочих и крестьян Советской России, а также героическую Бакинскую коммуну во главе с верным ленинцем Степаном Шаумяном.

Настойчивые требования А. Чхенкели вынудили генерала Назарбекова сдать турецким войскам город и крепость Карс без боя. 25 апреля части 1-го армейского корпуса турок без единого выстрела вступили в этот важный в военном и политическом отношении населенный пункт и взяли там довольно большое количество оставленного вооружения и боеприпасов.

У читателя может возникнуть вопрос о том, правомерна ли была наша борьба за Карс и не поступали ли правильно заправилы Закавказского комиссариата, сдавая его туркам. Вот что, думается мне, надо иметь при этом в виду.

По вопросу об отторжении Карса, Ардагана и Батума от России в пользу Турции уполномоченный Советского правительства на пленарном заседании мирной конференции в Брест-

Литовске заявил, что Германия явно нарушает ею же сформулированные условия ультиматума от 21 февраля и, не считаясь с подлинной волей населения этих областей, требует отторжения их в пользу Турции, хотя они не были завоеваны турецкими войсками.

В результате сложившейся в марте 1918 года обстановки Советское правительство вынуждено было согласиться на требование немцев о выводе русских войск из Батума, Карса и Ардагана. Но даже Брест-Литовским договором было оговорено, что населению этих округов предоставляется право путем плебисцита установить государственную форму правления в согласии с соседними государствами. Результаты такого плебисцита при проведении его в действительно свободных условиях были бы очевидны. Политико-экономические и культурно-бытовые интересы этих районов были неразрывно связаны с интересами Закавказья в целом. Да и по своему национальному составу эти районы были населены преимущественно армянами и грузинами.

Весьма любопытно, что зарвавшиеся лидеры грузинских меньшевиков в лице А. Чхенкели и других его друзей, занимавших ведущие посты в правительстве Закавказья, не сочли даже нужным согласовать вопрос о сдаче без боя такой важной крепости, как Карс, с Армянским национальным советом, постоянно находившимся в Тифлисе.

Сдав город туркам, армянские войска по решению правительства ЗФДР должны были отойти за границу 1877 года, проходившую по реке Арпачай (Ахурян). В самом Карсе и на территории области еще оставалось значительное количество местного населения. Прикрывая его эвакуацию, части корпуса Назарбекова в течение нескольких дней оставили территорию Карсской области и отошли в район Александрополя.

Наш полк одним из последних уходил из Карса. Глубоко в память запала тягостная картина ухода жителей из своего города. Легко представить себе, какое огромное горе свалилось на их плечи в эти полные драматизма дни. Ведь они оставляли здесь родные очаги, все свое имущество и превращались в бездомных скитальцев, обреченных на суровую жизнь, полную лишений и невзгод. Отчаявшись, многие из них жгли и разрушали свои дома, чтобы они не достались кровавым турецким захватчикам и их приспешникам.

Так завершилось наступление турецких войск на сарикамышкарском направлении – важнейшем участке Кавказского фронта.

Следует отметить, что, обладая большим превосходством в силах, противник развернул здесь свое главное наступление. Он стремился нанести решительное поражение Сарикамышскому отряду армянских войск, чтобы в последующем беспрепятственно выйти на ближайшие подступы к Карсской крепости и приступить к ее штурму. Расстояние от Караургана до Карса, всего 80 верст, турки преодолевали 40 дней. Темпы наступления противника были крайне низкими – в среднем около 2 верст в сутки, потому что он повсюду встречал упорное сопротивление армянских войск.

Особенно суровыми были бои, развернувшиеся непосредственно за Сарикамыш. Все попытки турецких частей овладеть этим важным пунктом лобовыми ударами по Саганлугской позиции, прикрывавшей город с запада, успеха не имели. Командование противника вынуждено было перегруппировать силы и предпринять из района Бардуса крупное наступление в юго-восточном направлении во фланг и тыл Сарикамышского отряда армянских войск, которое, в конечном счете, и решило исход сражения в пользу турок.

Генерал Арешев, возглавлявший Сарикамышский отряд, в своих воспоминаниях по этому поводу отмечал, что в сложившейся обстановке ему пришлось предпринять все меры, чтобы отразить сильные удары турок из района Бардуса на юго-восток, в обход правого фланга отряда. Развернулось упорное сражение. И только когда возникла явная угроза выхода значительных вражеских сил в тыл Сарикамышской группировки, он вынужден был принять решение отходить на Новоселимские позиции. Этот маневр, как утверждает генерал Арешев, был

выполнен довольно организованно, и у Ново-Селима турки вновь встретили упорное сопротивление армянских войск, прикрывавших карсское направление.

Говоря о результатах развернувшегося под Сарикамышем сражения, мне хочется напомнить читателям, в каких неблагоприятных условиях находились армянские войска. Против одной нашей стрелковой дивизии и двух-трех слабых по составу бригад турки вели наступление силами трех дивизий 1-го кавказского корпуса. При этом в помощь регулярным войскам командование противника широко привлекало многочисленные отряды курдской конницы и иррегулярные формирования из местных турок. Располагая инициативой в ведении боевых действий и занимая более выгодное оперативное положение по отношению к растянутой на широком фронте обороне армянских войск, враг имел возможность сосредоточивать свои главные силы для наступления на важнейших для себя направлениях и, таким образом, добиваться успеха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.